

НК.14,
24-25

Е.Ч.

И ПРІІННЬЧАШУ, ХВАЛУ ВОЗДАЧЕ, А ЧАДЄИМЪ, И
ПІШЧѢ НЕАВ СЯ. И РЕЧЕ ИМЪ: СІА ЄСТЬ КРОВЬНО
А НОВА ГЛАГОЛА, ЗАМНОГИ И ЗАМВЧЕМА:

Романо Гуардини

ГОСПОДЬ

Романо Гуардини
Господь

НПКЦ «Духовная библиотека»

1995

Гуардини Р.

Господь / Р. Гуардини — НПКЦ «Духовная библиотека», 1995

Для всякого исследователя, который решается говорить о личности и о жизни Иисуса Христа, существуют особенные границы в его поиске. Попытки попытаться написать психологический портрет Иисуса заранее обречены на неудачу, ведь они разрушают Его образ. В самой глубине Его личности находится тайна Сына Божия, делающая немыслимой любую «психологию», та тайна, благодатным отблеском которой является невозможность «судить» о христианине. Немецкий богослов и философ Романо Гуардини показывает со все новых и новых исходных точек, каким образом все качества и существенные черты этого образа вливаются в непостижимое, полное бесконечного обетования. Автор не пытается связно рассказать о жизни Иисуса, а только выделяет отдельные изречения и факты, связанные с Его жизнью. Здесь, в духовных размышлениях, которыми автор в продолжении четырех лет делился со своими слушателями за воскресным богослужением, усиленное выполнение задачи, поставленной самим Господом: возвещать о Нем, о Его учении и делах. Автору важно помочь проникнуть в тайну Божию, «тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас, упование славы» (Кол 1.26–27). сознать важность того познания, которое дает сам Христос, когда Он «изъясняет Писание» и «сердце наше» начинает «гореть» (Лк 24.27–32) – цель этого сочинения отца Романо Гуардини.

© Гуардини Р., 1995

© НПКЦ «Духовная библиотека», 1995

Содержание

Предисловие	7
Вступление	9
Часть I	11
1. Происхождение и предки	11
2. Мать	15
3. Вочеловечение	18
4. Предтеча	22
5. Крещение и искушение	26
6. Промежуточное время	30
7. Начало	34
8. Соблазн в Назарете	39
9. Больные	42
10. «Погибшее»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Романо Гуардини

Господь

© Foyer Oriental Chrétien 206, Avenue de la Couronne 1050 Bruxelles 5 – Belgique

© 2012, Культурный центр «Духовная библиотека», Москва

Предисловие

Одной замечательной особенностью Евангелий является то, что они не только доносят до нас слова и учение Самого Спасителя, но отражают живую, непосредственную реакцию окружавших Его людей, которые то приходят в великое изумление (*Мк 5.42*), то ужасаются (*Мк 10.26*), то смущаются и печалются (*Мк 10.22*), то, недоумевая, прославляют Бога (*Мк 2.12*).

Возможно составленные Матфеем «изречения», упомянутые ранним церковным автором Папием Иерапольским, существовали, как считают некоторые современные ученые, в виде подборки отдельных афористических поучений Иисуса (наподобие апокрифического евангелия от Фомы). Но для нас очень значимо, что, в конечном счете, все четыре канонических, принятых Церковью Евангелия изображают Иисуса в окружении людей – ближайших учеников, «многих толп», тех, кто внимает Его слову и тех, кто не принимает их или даже откровенно враждует с Ним. Евангельское повествование не имеет ничего общего с отвлеченной доктриной. Похоже, что для евангелистов было важно передать не только слова Спасителя, но и то, какой отзыв они находят у его слушателей. Одно невозможно без другого; используя евангельский образ: слово – семя, которое падает на почву, чтобы укорениться и принести плод.

Но не только слова Спасителя, Он Сам, Его личность настолько необыкновенна, что, привлекая к себе внимание, требует ответа. Иисус вступает в Иерусалим и весь город приходит в движение и говорит: кто Сей? (*Мф 21.10*). Этот вопрос – «кто Сей? кто Он? кто Ты?» – мы слышим из уст окружающей толпы (*Мф 8.27*), из уст его недругов фарисеев (*Лк 5.21*), из уст царя Ирода (*Лк 9.9*), первосвященника (*Мф 26.63*) и даже римского прокуратора Понтия Пилата (*Ин 18.33, 19.9*). И уже тогда, в древности, «много толков было о Нем в народе, и одни говорили, что он добр, а другие говорили – нет, но обольщает народы» (*Ин 7.12*). Пилат говорит: «это Человек» (*Ин 19.5*), а иудеи считали, что в Нем бес (*Ин 8.52*). Когда в Кесарии Филипповой Иисус спрашивает своих учеников «за кого принимают Меня люди?», то те отвечают Ему «одни за Иоанна Крестителя, другие за Илью, а иные за Иеремию, или за одного из пророков» (*Мф 16.14*). Людям свойственно определять непонятное по аналогии с известным – существующим или когда-то существовавшим, – опираясь на доступный им опыт. Потребовались подвиг веры и особое дерзновение, чтобы узнать и признать в Нем совершенно новую беспрецедентную личность: «Ты – Христос, Сын Бога живого» – отвечает Петр – «у Тебя слова вечной жизни» (*Ин 6.68–69*).

Так было уже в I в., сегодня же, в XXI, ответ на вопрос «За кого почитаю Меня люди Нового времени?» занимает целые тома. Первая книга, посвященная обзору различных представлений о личности и учении Иисуса, принадлежит А. Швейцеру. Вышедшая в 1906 г. на немецком языке, она была переиздана в 1910 г. по-английски с несколько измененным названием «Поиски исторического Иисуса: критическое исследование их развития от Реймаруса до Вреде». Но это было только начало – только «Первый поиск», охватывающий период от 1778 г., когда появилась анонимная статья (позднее было доказано, что она принадлежит гамбургскому ученому Герману Реймарусу), озаглавленная «О намерении Иисуса и Его учеников», и до работы А. Швейцера. За ним последовал «Новый поиск», где доминировали идеи Рудольфа Бультмана, нашедшие отражение в работе Джеймса М. Робинсона «Новый поиск исторического Иисуса». Наконец, начиная с конца 70-х наметились современные (социологические, политические, религиозные, этно-культурные и т. п.) подходы в исследовании жизни и роли Иисуса, за которыми закрепилось название «Третий поиск».

В кратком вступлении невозможно обозреть сотни концепций: за минувшие три века критических исследований Иисус успел побывать и галилейским равви, и выдающимся наставником новой морали, и реформатором протестантского типа, и харизматиком, уверовавшим в свое божественное призвание, и героическим сверхчеловеком ницшеанского толка. Его сближали то с современными Ему фарисеями, ессеями, киниками, а то с современными нам революционерами или с философами экзистенциалистами.

На этом фоне само название книги «Господь» звучит как исповедание веры, как утверждение, что именно апостолы, ближайшие ученики Иисуса, и вслед за ними христианская Церковь смогли увидеть и сообщить миру самое главное, самое сущностное в личности своего Учителя: Он – Господь, Сын Божий, пребывавший в лоне Отца прежде сложения мира; уникальная, единственная во всей мировой истории Личность, объединившая в Себе во всей полноте человеческую и божественную природы. С самых первых страниц автор этой книги – католический священник Романо Гуардини (1885–1968), долгие годы проповедовавший в соборе мюнхенского университета – предупреждает об ограниченности любого исторического жизнеописания Иисуса, потому что в самой глубине Его существования скрыта тайна Его божественного происхождения. Эта тайна не может быть раскрыта и познана целиком, но к ней можно вновь и вновь приближаться используя разные евангельские фрагменты в качестве отправных точек.

Пройти этот путь вместе с современным читателем, размышляя, вглядываясь в сокровенное, останавливаясь, умолкая, перед непостижимым, не уничтожая и не устранивая тайны, но погружаясь в нее и есть задача этой книги.

И еще одно, что заметно отличает книгу «Господь»: если многочисленные современные новозаветные исследования, предлагая свою реконструкцию слов и учения Иисуса, уводят нас от Евангелия, подменяют его своим прочтением, то, напротив, задача Р. Гуардини – направить к Евангелию: «... в конечном итоге цель всех этих рассуждений в том, чтобы подвести читателя к чтению Священного Писания. Христианский смысл духовного слова заключается в том, что оно исходит из живого поручения Христа и из силы Святого Духа... А мера этого слова содержится в Священном Писании».

Эта книга предназначена для тех, кто задаваясь вопросом «Кто Сей?» и отвечая себе «Сей – Господь», желает приблизиться к Нему и глубже понять Его Благою весть.

протоиерей Леонид Грилихес

Вступление

Каждый, кто решается говорить о личности и о жизни Иисуса Христа, должен знать, какую цель он себе ставит и какие границы поставлены здесь всякому исследователю.

Можно, согласно духу нашего времени, попытаться написать психологический портрет Иисуса, но такая попытка заранее обречена на неудачу. Франциска Ассизского, например, можно изучать психологически – в той мере, в какой в нем, хотя он и простой человек, не начинается то, что выше человека и что одно только обосновывает истинного человека в Божьем смысле. Именно это имел в виду Павел, говоря, что о «духовном» человеке «судить никто не может» (*1 Кор 2.15*). Тем не менее вполне возможной и прекрасной задачей было бы исследовать корни этой дивной личности, а также установить, чем определяется та или другая черта его существа, каким образом в нем сталкиваются силы, кажущиеся столь противоречивыми и все же образующие столь полное единство, и многое другое. В отношении Иисуса Христа такое исследование невозможно, по крайней мере за известными пределами. Когда пытаются тем не менее, его проводить, то разрушают Его образ. Ибо в самой глубине Его личности находится тайна Сына Божия, делающая немислимой любую «психологию», та тайна, благодатным отблеском которой является невозможность «судить» о христианине. В сущности, делать можно только одно: показывать со все новых и новых исходных точек, каким образом все качества и существенные черты этого образа вливаются в непостижимое, – правда, в непостижимое, полное бесконечного обетования.

Можно также попытаться написать «Жизнь Иисуса», что, впрочем, делалось многократно. Но, строго говоря, и это невозможно. Жизнь Франциска Ассизского можно описать в той мере, в какой и здесь тайна возрождения и благодатного водительства не противостоит всякому «почему» и «откуда». Можно все-таки попытаться увидеть, какое место занимает он в своей эпохе, как она воздействует на него и, в свою очередь, формируется им, как он притягивает к себе все духовные силы своего времени, становится их непосредственным выражением и все же остается полностью собой, каким образом он ищет то Единственное, в чем он стремится себя осуществить, какие колебания, срывы, какие стадии свершения стали уделом его исканий.

У Иисуса и это возможно только в очень узких границах. Конечно, Он включен в определенную историческую среду, и понимание действующих в ней сил способствует лучшему пониманию Его самого, – но все же ни Его сущность, ни Его деятельность не могут быть выведены из исторических данных, ибо Он приходит из тайны Божией и в нее возвращается после того, как «пребывал и общался с нами» (*Деян 1.21*). Можно, конечно, проследить в Его жизни определенные события, имевшие решающее значение, можно постичь их смысловую направленность и увидеть, в чем воплощается этот смысл, – но «развитие» в собственном смысле этого слова постичь нельзя.

Столь же невозможно указать «мотивировку» хода Его судьбы и того, как Он исполняет Свою миссию, ибо последнее «почему» лежит в непостижимости того, что Он называет «волей Отца» и что ускользает от всякого исторического разъяснения.

То, что можно было написать о Нем, было написано в Евангелии. Например, как Он «преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (*Лк 2.52*), и что Он родился, когда пришла «полнота времен» (*Гал 4.4*), следовательно, возрос на определенной исторической почве. Из подобных изречений можно почерпнуть убеждение в том, что существует глубокая связь между Его образом и событиями, но при этом следует отказаться от распутывания этой связи, как это делается в обычном изложении истории – напротив, нужно вновь и вновь останавливаться перед событиями, каким-либо образом связанными с Ним, перед Его словом или делом, прислушиваться к Нему, поучаться у Него, поклоняться Ему и исполнять Его волю.

Эти размышления не претендуют на полноту. Автор не пытается связно рассказать о жизни Иисуса, а только выделяет отдельные изречения и факты, связанные с Его жизнью. Он не ставит себе целью последовательное раскрытие образа Иисуса, но хочет лишь обрисовать то одну, то другую его черту, так, как они живо представляются нам. Это не научное изложение, не история и не богословие, а духовные размышления, которыми автор в продолжении четырех лет делился со своими слушателями за воскресным богослужением; цель их – посильное выполнение задачи, поставленной самим Господом: возвещать о Нем, о Его учении и делах.

Автор не стремится сообщить читателям ничего «нового» – ни нового представления о Христе, ни усовершенствованной христологической теории. В размышлениях речь идет не о чем-либо новом, но о вечном. Конечно, если бы преходящему времени – нашему – предстояло вечное, то оно было бы истинно «новым», чистым, плодотворным и потрясло бы пыль привычного.

Возможно, читатель встретится здесь с непривычными ему мыслями. В таком случае ему следует знать, что у автора нет особых претензий, его цель – лишь помочь проникновению в тайну Божию, «тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас, упование славы» (*Кол 1.26–27*). Перед этой тайной мало что значат человеческие мысли. Ими можно пользоваться, их можно и отложить. Важно то познание, которое дает сам Христос, когда Он «изъясняет Писание» и «сердце наше» начинает «гореть» (*Лк 24.27–32*) (...).

Часть I Истоки

1. Происхождение и предки

Если бы во время земной жизни Господа в Капернауме или в Иерусалиме, кто-нибудь спросил Его – Кто Ты? Кто Твои родители? Из какого Ты рода? – Он мог бы ответить как в восьмой главе Евангелия от Иоанна: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь» (*Ин* 8.58) или согласно второй главе Евангелия от Луки, что «происходит из дома и рода Давидова» (*Лк* 2.4). Как начинаются евангельские повествования о жизни Иисуса из Назарета, Который есть Христос, Помазанник?

Иоанн ищет исток Его происхождения в тайне жизни Божества. Вот как начинается его Евангелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть... В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал... И Слово стало плотью, и обитало с нами, и мы видели славу Его, как Единственного от Отца, полного благодати и истины» (*Ин* 1.1–14). Источник – в Боге. Бог есть Бесконечно Живущий. Но Он живет и существует иначе, чем человек. Согласно Откровению Божию нет только единого Бога, каким Его находят в после-христианском иудействе, в исламе и повсеместно в сознании нового времени. Бог Откровения пребывает в той тайне, которую Церковь выражает учением о троичности Лиц в единстве жизни. Иоанн там и ищет корень бытия Иисуса: во втором из пресвятых Лиц, в «Слове», Логосе, в Котором Бог, говорящий, открывает полноту Своего существа. Но Произносящий и Произносимый взаимно склоняются друг к другу, и Они едины в любви Святого Духа. Второе из Лиц Божества, здесь названное «Словом», именуется также «Сыном», ибо Произносящий Его именуется Отцом; Дух же Святой в прощальных речах Господа носит благостные имена «Утешителя-Заступника», потому что благодаря Ему братья Иисуса после Его ухода «не остаются сиротами». Искупитель пришел к нам от этого небесного Отца, в силе этого Святого Духа.

Сын Божий стал человеком. Не просто снизошел к человеку, чтобы в нем пребывать, но стал человеком. Действительно «стал» и, чтобы не возникало сомнений, чтобы нельзя было сказать, например, что Он гнушался низостью тела и соединился только с глубиной некоей святой души или с высотой некоего избранного духа, Иоанн резко подчеркивает: «Он стал плотью».

Не в одном лишь духе, но и в теле осуществляются история и судьба. Эту истину мы будем рассматривать еще не раз. В Искупителе же Бог пришел, чтобы воспринять историю и судьбу. Своим вочеловечением Он стал посреди нас и основал новую историю. Все прошедшее Он определил таким образом, что оно «находится до рождения нашего Господа Иисуса Христа», ждет Его и к Нему готовится. Все будущее Он определил так, что оно решается в зависимости от принятия или отвержения Его вочеловечения. Он «обитал с нами» – в более точном переводе: «Он имел среди нас Свой шатер». «Шатром» же Логоса было Его тело – святой Божий шатер среди людей, скиния, поставленная среди нас, храм, о котором Иисус сказал фарисеям, что он будет разрушен и снова воздвигнут в три дня (*Ин* 2.19).

Между тем вечным началом и воплощением во времени лежит тайна вочеловечения. Этот факт представлен Иоанном строго, с метафизической мощью. Без привлекательного множества действующих лиц и той интимности в описании событий, которые придают столько

богатства и колоритности повествованию Луки. Все сосредоточивается на одном, последнем, мощно простом: Логос, плоть, шаг в мир – происхождение в вечности, осязаемая земная действительность и тайна единства. Иначе представляется начало существования Христа в Евангелии от Матфея, Марка и Луки.

Марк вообще не говорит о вочеловечении. В его первых восьми стихах речь идет о Предтече, а за этим следует сразу: «И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане» (*Мк 1.9*). Матфей же и Лука приводят родословие Иисуса – путь Его рода через историю.

У Матфея этот ряд поколений стоит в начале Евангелия. Он начинается с Авраама и через Давида и ряд иудейских царей приводит к Иосифу, «мужу Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос» (*Мф 1.16*). У Луки родословие стоит в третьей главе, после повествования о крещении Иисуса. Здесь сказано, что Он был тогда «лет тридцати и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев, Матфатов, Левины» и т. д. – ряд имен, о носителях которых мы больше ничего не знаем, восходит к Давиду и затем через предков этого последнего к Иуде, Иакову, Исааку, Аврааму, которые именами выдающихся людей древнейшего времени, Ноя, Ламеха, Еноха, связываются с Адамом, происшедшим «от Бога» (*Лк 3.23–38*).

Вставал вопрос, как возникли эти две столь различные родословные. Некоторые думают, что первое из них представляет собой генеалогию согласно Закону, т. е. генеалогию Иосифа, который с правовой точки зрения считался отцом Иисуса. Второе же – кровная генеалогия, т. е. Марии; так как по ветхозаветному праву имя женщины не может продолжать род, оно представлено именем Иосифа.

К тому же, по закону левирата неженатый мужчина был обязан жениться на вдове своего брата, если тот умер бездетным, причем первый ребенок причислялся к роду умершего, а последующие – к роду фактического отца. Полагают, что родословные и были построены по-разному в силу этих различных точек зрения. Такое толкование представляется особенно правдоподобным, поскольку именно Лука дает генеалогию Марии, ведь именно он приблизил к нам в первую очередь Мать Господа. Этими сложными вопросами мы здесь не будем заниматься подробно.

Можно задуматься, прослеживая генеалогические списки. Помимо величия, которое сообщает им слово Божие, они и сами по себе обладают высокой степенью достоверности. Прежде всего, у древних народов память была очень твердой. К тому же родословные знатных родов хранились и в архивах храма; мы знаем, что Ирод приказал уничтожить такие документы, так как он, будучи выскочкой, хотел отнять у гордых представителей древних родов возможность сравнивать себя с ним.

Как красноречивы эти имена! Сначала всплывают через долгую тьму веков образы древнейшего времени: Адам, овеянный тоской по утраченному райскому блаженству; Сиф, родившийся у него после убийства Авеля Каином; Енох, о котором говорится, что он «ходил перед Богом и Бог взял его»... Затем Мафусал Древний, Ной в ужасающем шуме потопа... Так следуют они один за другим, как вехи на пути через тысячелетия, от рая до того человека, которого Бог отозвал из его страны и от его племени, чтобы заключить с ним союз: от Авраама, который «веровал» и был «другом Божиим». Исаак, его сын, был дан ему Богом посредством чуда и вновь обретен с жертвенника; Иаков, внук, боровшийся с ангелом Божиим, – эти образы воплощают самое сильное, что было в ветхозаветной сущности: стремление укорениться в земной действительности и все же ходить перед Богом. Они принадлежат к самой гуще земной реальности, связаны со всем материальным в человеческой жизни, но Бог так близок им, так ясно проявляется в их существовании и в их речах, в их добрых и злых делах, что они становятся подлинным откровением...

От Иуды, сына Иакова, род продолжается через Фареса и Арама до царя Давида. С него начинается великая история народа. Сначала – бесконечная борьба, затем – долгие годы мир-

ного величия при Соломоне. Уже в его последние годы царский дом изменяет завету. Потом он продолжает путь, заводящий все глубже в темноту; иногда берет себя в руки, но скоро падает снова: войны, бедствия, преступления и ужасы чередуются вплоть до разрушения царства и «переселения в Вавилон».

Так угасает блеск рода. Отныне он живет скудно и безвестно. «Иосиф, муж Марии», ремесленник, и он так беден, что в жертву за очищение он может принести не ягненка, а только «двух птенцов голубиных» (*Лк 2.24*).

Вся история народа Божия проступает в этих именах. И не только в тех, которые приведены, но и в тех, которые вычеркнуты, ведь нам говорят, что имена Ахава и еще двоих, следовавших за ним, устранены из этого ряда, потому что пророк изрек на них проклятие.

Некоторые имена дают нам особую пищу для размышлений. Это – женские имена, названные в примечаниях на полях и добавленные, по мнению некоторых толкователей, для того, чтобы упоминанием о бесчестии их царского дома пристыдить иудеев, нападавших на Мать Господа.

Не будем говорить о Руфи, бабке Давида. Для верного Закону иудея она означала изъясн в царском роде, так как была моавитянкой и Давид получил от нее чужую, запрещенную Законом кровь, но нам она очень близка благодаря маленькой книжке, носящей ее имя...

Зато об Иуде, старшем из сыновей Иакова, сказано, что он «родил Фареса и Зару от Фамари». А Фамарь была его собственной невесткой, женой его старшего сына, рано умершего. Потом в брак с ней вступил его брат Онан, согласно Закону, но неохотно, и не обеспечивая ее прав. Это разгневало Бога, и Онан умер. Тогда Иуда отказал ей в третьем сыне, боясь и его потерять. После этого Фамарь однажды оделась блудницей и стала на безлюдном перекрестке поджидать своего свекра, пошедшего стричь овец. Таку нее и появились близнецы Фарес и Зара, и через Фареса продолжился род (*Быт 38*). О Соломоне сказано, что он «родил Вооза от Рахавы». Рахава же в Иерихоне приняла соглядатаев Иисуса Навина, и была она язычницей, как Руфь, «содержательницей постоянного двора» или «блудницей» – в Ветхом Завете эти выражения употребляются одно вместо другого (*Ис Нав 2*).

И еще: «Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею». Давид был царственный муж. Отблеск избранности лежал на нем с юности. Объятый духом Божиим, он был поэтом и пророком. В продолжительных войнах он заложил основание Израильского царства. В нем сочетались величие и страстность борца, он был великодушен, но также суров и беспощаден, когда считал это необходимым. Однако большим пятном на его чести лежит имя Вирсавии, жены одного из его офицеров, Урии Хеттеянина, доблестного и верного человека. Когда тот был в походе, Давид обесчестил его брак. Урия вернулся, чтобы донести о ходе боев за город Равву; тогда царь испугался и попытался недостойными уловками скрыть случившееся. Это не помогло, и тогда он отослал его опять на войну с письмом: «Поставьте Урию вперед, где будет кипеть сражение, и оставьте его одного, чтобы он был поражен и умер». Так и случилось, и Давид взял себе его жену. Пророк Нафан открыл ему, что его поведение разгневало Бога. Потрясенный Давид замкнулся в себе, каялся и постился, пережил смерть своего ребенка, – но потом он, как написано, встал, поел и пошел к Вирсавии. Соломон был ее сыном (*2 Цар 11 и 12*).

Он стал одним из нас, говорит ап. Павел о Господе, «искушенным во всем, кроме греха» (*Евр. 4.15*). Стал причастным ко всему человеческому. Ряды имен в родословных показывают нам, что это означает – войти в человеческую историю с ее судьбой и ее греховностью. Он ни от чего не отстранялся.

В долгие тихие годы в Назарете Иисус, вероятно, задумывался иногда над этими именами. Как глубоко должен был Он тогда чувствовать, что значит человеческая история! Все великое в ней, все сильное, смутное, немощное, темное и злое, на чем зиждились Он сам и

Его существование, взывало к Нему, чтобы Он принял все это в Свое сердце, принес к стопам Бога и за все ответил.

2. Мать

Чтобы понять, что за дерево перед нами, нужно обратить взоры к земле, где скрыты его корни и из которой соки восходят в ствол и ветви, в цветы и плоды. Поэтому следует взглянуться в почву, из которой восходит Господь, а эта почва – Мария, Его Мать.

Согласно Писанию, Она была царской крови. Каждый человек представляет собой нечто единственное, существующее однократно и само по себе; сложные связи его происхождения не доходят до его глубинной сущности, где он предстоит перед собой и перед Богом. Здесь нет ни «если» ни «потому что», «нет уже иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного» (*Гал 3.28*). Это верно, – но величие, как и нечто сокровенное, выявляющееся даже в самом малом, зависит именно от благородства человека. С истинно царским благородством ответила Мария на обращение к Ней ангела. Она ощутила приближение чего-то невероятного. Смело довериться Богу – вот, что требовалось от Нее. Она сделала это просто, с бессознательным величием. Значительную часть этого величия Она почерпнула, конечно, из прирожденного благородства Своего существа.

И вот теперь Ее судьба определяется судьбой Ее Ребенка. Начало положено, и путь ведет все дальше: вот вклинивается боль между Нею и человеком, с которым Она обручена... Вот она отправляется в Вифлеем и там в нужде и бедности дарует жизнь своему Ребенку... вот Она вынуждена бежать и жить на чужбине, вырванная из всего привычного и надежного; неуверенность в будущем и превратности судьбы становятся Ее уделом, пока Она не получает возможности вернуться домой.

Когда затем Ее Сын в двенадцать лет остается в храме и Она находит его после тревожных поисков, Ей, как будто впервые, открывается божественная отчужденность Того, что вошло в Ее жизнь (*Лк 2.41–50*). На естественный упрек: «Чадо! Что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя» – Отрок отвечает: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» В этот момент Она должна была почувствовать, что теперь начало сбываться предсказанное Симеоном: «И Тебе Самой оружие пройдет душу» (*Лк 2.35*). Ибо что же это значит, когда ребенок в такую минуту дает встревоженной матери ответ, категорически исключающий всякое сомнение: «Зачем ты Меня искала?» Не удивительно, что в повествовании говорится далее: «Но они не поняли сказанных Им слов».

Сразу за этим следует однако: «Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем». Сохраняла, «не понимая», как мы только что слышали: не столько обладая уровнем проницательности, равным словам и событиям, сколько находясь на их уровне по глубине и почвенности, подобно тому как земля принимает в себя драгоценное семя, которое должно в ней прорасти.

Следуют восемнадцать лет тишины. В священном повествовании о них не сказано ничего подробного. Но само молчание Евангелий красноречиво для чуткого слуха. Восемнадцать лет тишины проходят «в ее сердце»... Ничего не говорится об этом, кроме того, что Ребенок «был в повиновении у них» и «преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и людей»: тихий, глубокий рост, осененный любовью этой святейшей из всех матерей.

Затем он покидает отчий дом для исполнения Своей миссии. Но и здесь Она при Нем. Так, например, в самом начале, на брачном пире в Кане, где заметно как бы последнее проявление материнской привычки оберегать и наставлять (*Ин 2.1–11*). В другой раз до Назарета доходит непонятный тревожный слух, и Она отправляется, ищет Его, в беспокойстве стоит перед дверью... (*Мк 3.21, 31–35*). И снова Она при Нем, в последние Его дни, при Нем – у подножия креста (*Ин 19. 25*).

Вся жизнь Иисуса проникнута близостью его Матери. В Ее молчании таится невыразимая сила.

Есть одно изречение, показывающее, как глубоко Господь был связан с Ней. Он стоит среди толпы и говорит. Внезапно раздается голос одной женщины: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» Иисус же отвечает: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его» (*Лк 11.27–28*). Не кажется ли, что Он словно разом вырывается из шума теснящей Его толпы, что глубоко в Его душе как будто зазвучал колокольный звон, и Он перенесся в Назарет и ощутил присутствие своей Матери? (*Лк 11.27–28*).

В остальном же, когда мы вникаем в смысл слов, которые Иисус говорит Своей Матери, и в тех или иных обстоятельствах в данной обстановке, то каждый раз создается впечатление, что между Ним и Ею разверзается пропасть.

Тогда в Иерусалиме – Он ведь был ребенком – не сказав ни слова, Он остался там один, в такое время, когда город был переполнен массой паломников из всех стран и можно было опасаться не только несчастного случая, но и всевозможных насилий! Без всякого сомнения она имела право спросить, зачем Он это сделал. А Он отвечает с удивлением: «Зачем было вам искать Меня?» И мы невольно ожидаем следующей фразы повествования: «Они не поняли сказанных Им слов».

В Кане Галилейской Он сидит в обществе за брачным столом. Это, очевидно, скромные люди, с небольшими возможностями. Вино на исходе, и все чувствуют надвигающуюся неловкость. Она просительным образом обращается к Нему: «Вина нет у них». Он же говорит: «Что Мне и тебе, Жено? Еще не пришел час Мой». Это может означать только одно: действовать Мне надлежит только в Мой час, по воле Моего Отца, как Он непрерывно говорит Мне, и больше никак... Правда, сразу после этого Он исполняет ее просьбу, но делает Он это потому, что именно теперь пришел «Его час». То, как Бог давал указания пророкам, мгновенно призывая их то к одному, то к другому, может помочь нам понять происходящее.

Позже, когда Она, ища Его, приходит из Галилеи, а Он учит собравшихся в одном доме, и Ему говорят: «Вот, Мать Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя», – Он вопрошает «Кто мать Моя и братья Мои? – И обозрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать». И хотя затем Он, несомненно, пошел к Ней и выказал Ей Свою любовь, сказанные Им слова сказаны, и нас потрясает этот встречный вопрос, свидетельствующий о бесконечной отдаленности, в которой Он живет.

Даже и те слова, которые мы недавно восприняли как выражение близости, могут означать отдаленность: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы. Тебя питавшие!»... «Нет! Блаженны те, которые слышат слово Божие и его исполняют!»

Но когда на Кресте приближается конец, а внизу стоит Его Мать, в напряженности всей боли своего сердца, и ждет какого-то слова, – тогда Он говорит ей, глядя на Иоанна: «Жено! се, сын твой». И ученику: «Се, Мать твоя» (*Ин 19.26–27*). Несомненно, в этом проявилась забота умирающего Сына, но Ее сердце больше всего прежде почувствовало другое: «Женщина, вон там твой сын!» Он отсылает Ее от Себя. Он целиком принадлежит «часу», теперь «пришедшему», великому, страшному часу, требующему всего.

Беспредельно его одиночество, с грехом, на Него возложенным, перед Божией справедливостью.

Мария всегда была при Нем. Все, что Его касалось, Она переживала вместе с Ним, ведь Ее жизнь была Его жизнью. Но не в прямом значении этих слов надо искать их смысл. Писание ясно говорит об этом: к Ней пришло «Святое», о котором гласило ангельское благовествование (*Лк 1.35*) – и как же Оно преисполнено тайны и Божией отдаленности! Ему Она отдала все – Свое сердце, Свою честь, Свою кровь, всю силу Своей любви. Она взлелеяла Его, но Оно переросло Ее, поднимаясь все дальше ввысь. Отдаленность открылась вокруг Ее Сына, Который

был этим «Святым». Там Он живет, вдали от Нее. Последний предел был, разумеется, недо-ступен Ее пониманию. И как могла бы Она понять тайну Бога Живого! Но Она нашла силы на то, что по-христиански на земле важнее, чем понимание, и что осуществимо только благодаря силе Божией, которая в свое время дает прозрение: она веровала, и притом в то время, когда в настоящем и полном смысле этого слова, еще, пожалуй, не веровал никто другой.

Если что и открывает Ее величие, так это возглас Ее родственницы: «Блаженна Уверовавшая!» (*Лк 1. 45*). Он включает и оба других изречения: «Но они не поняли сказанных Им слов» – и дальше: «Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем» (*Лк 2.50–51*). Мария веровала. И Ей приходилось все время заново укреплять Свою веру. Все сильнее, все тверже. Ее вера была больше, чем когда-либо у какого бы то ни было человека. Был Авраам с голово-кружительной высотой своей веры, но от Нее требовалось больше, чем от Авраама. Ибо «Свя-тое», исшедшее из Нее, возрастая, ушло прочь от Нее, прошло дальше Ее и, удалившись от Нее, жило в бесконечной отдаленности: не прийти по-женски в смятение и не ошибиться при виде величия, которое Она родила и вскормила и видела беспомощным, – но и не знать сомне-ний в своей любви, когда Оно вышло из под Ее опеки, – и при этом верить, что все благо и во всем исполняется воля Божия; не проявлять слабости или малодушия, но сохранять стой-кость и каждый шаг Ее Сына, совершавшийся Им в Его непостижимости, делать вместе с Ним силою веры – вот в чем было Ее величие. Каждый шаг, делавшийся Господом в направлении Его божественной судьбы, Мария делала вместе с Ним, но делала в вере. Понимание же при-несла Ей только Пятидесятница. Тогда Она «поняла» все то, что раньше с верою «сохраняла в сердце своем».

Эта вера придает Ее близости ко Христу и участию в деле искупления больше достовер-ности, чем все легендарные чудеса. Сказание умиляет нас своими трогательными описаниями, но жить им мы не можем, и меньше всего тогда, когда речь идет о подлинном. Мы должны с верой идти вослед Божией тайне, преодолевая злое сопротивление мира. На нас возложена не милая, поэтичная, а суровая вера, – тем более в такое время, когда смягчающие ее жесткость покровы спадают с реальности нашего мира и повсюду сталкиваются между собой противоре-чия. Чем в большей чистоте встает перед нами из Нового Завета образ Матери Господа, тем больше открывается для нашей христианской жизни реальность этого образа.

Она Та, которая объяла Господа своей живой глубиной на протяжении всей Его жизни и была подле Него и в смерти. Вновь и вновь Ей приходилось испытывать, как Он, живя из тайны Божией, перерастал Ее. Все время Он поднимался выше Ее, так что Она ощущала рану от «оружия» (*Лк 2.35*), – но Она все время поднималась верою вслед за Ним, чтобы объять Его снова. Пока, наконец, Он не захотел больше быть Ее Сыном. Ее сыном отныне становился другой, стоявший рядом с Нею. Иисус стоял один, наверху, на самой последней грани творе-ния, перед Божией справедливостью. Она же, в последний раз деля Его страдание, приняла расставание – и именно этим снова встала, с верою, рядом с Ним.

Да, воистину: «Блаженна Уверовавшая!»

3. Вочеловечение

В рождественском богослужении содержатся два стиха из Книги Премудрости: «Когда все окружало тихое безмолвие, и ночь в своем течении достигла середины, сошло с небес от царственных престолов всемогущее слово Твое» (18.14–15). Эти слова говорят о тайне вочеловечения, и в них дивным образом выражена царящая в ней бесконечная тишина.

Ведь в тишине и происходят великие дела. Не в шуме и нагромождении событий, а в ясности внутреннего зрения, в тихом движении решений, в сокровенности жертв и преодолении, – когда сердца касается любовь. Когда свобода духа призывается к действию, и его лоно оплодотворяется для творчества. Тихие силы и являются собственно могучими силами. Сосредоточим же наши мысли на самом тихом из всех событий, на том, которое ограждено Богом от всякого внешнего давления.

Лука сообщает: «В шестой месяц – после того, как ангел явился Захарии и возвестил ему рождение его сына, который должен был стать предтечей Господа, послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосиф, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: Радуйся, Благодатная! Господь с тобою». Она же смутилась от слов его и размышляла, что бы могло означать это приветствие. И сказал Ей ангел: «Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь Сына и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца». Мария же сказала ангелу: «Как будет это, когда я мужа не знаю?» Ангел сказал Ей в ответ: «Дух Святой найдет на Тебя и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и Рожаемое Святое наречется Сыном Божиим; вот залог. Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц; ибо у Бога не останется бессильным никакое слово». Тогда Мария сказала: «Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему». И отошел от Нее ангел» (1.26–38).

Как тихо все протекло, видно из дальнейшего повествования: когда выяснилось, что она находится в ожидании, Иосиф, с которым она была обручена, захотел расстаться с нею, думая, что Она ему изменила; и его еще хвалят за то, что он, «будучи праведен», и, конечно, очень любя Ее, «хотел тайно отпустить Ее» (*Мф 1. 19*). Значит, все произошло на такой недоступной глубине, что Мария не нашла никакой возможности сказать об этом хотя бы тому человеку, с которым была помолвлена, и Сам Бог должен был просветить его.

Но за этой глубиной, к которой мы, хотя и с великим благоговением, еще можем приблизиться, открывается другая, Божия бездна. О ней говорят те слова, которые мы привели в начале. О ней говорится и в первом стихе четвертого Евангелия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Здесь речь идет о «Боге». С Ним есть еще Некто, «у Него», «к Нему обращенный», как сказано по-гречески, называемый «Словом», – то, в чем Первый выражает Свою жизненную полноту, Свой смысл. Этот тоже Бог, как и Тот, Который произносит Слово, и все же есть только один Бог. И об этом Втором говорится, что Он «пришел к своим», в Им сотворенный мир (*Ин 1.11*). Будем внимательны к тому, что здесь говорится: Он не только властвует в мире как вездесущий и всемогущий Творец, но и, если можно так выразиться, в известный момент переступает некую границу, которую в мыслях и уловить невозможно. Вечно-Бесконечный, Неприступно-Отдаленный, Он Сам входит в историю.

Как могли бы мы представить себе отношения Бога к миру? Так, например, что, сотворив мир, Он жил над ним в бесконечной высоте, блаженно довольствуясь Самим Собой и предоставив творению идти раз и навсегда определенным ему путем. Или так, что Он находился в мире – как творческая первооснова, из которой все произошло, как всепроникающая фор-

мирующая сила, как смысл, выразившийся во всем... В первом случае Он был бы отрешен от мира в потусторонней недостижимости, во втором был бы Подлинностью всего. Если попытаться представить себе вочеловечение на основе первого предположения, то оно могло бы означать только то, что некий человек был неповторимым образом охвачен Божией мыслью и Божией любовью настолько, что можно было бы сказать: в нем говорит сам Бог. Если же основываться на втором предположении, то вочеловечение означало бы, что Бог выражает Себя везде, во всех вещах, во всех людях, но с особой силой и ясностью в этом Единственном, – настолько, что можно сказать: здесь Бог явил Себя телесно... Но мы сразу видим, что эти представления – не те, которые содержатся в Священном Писании.

То, что Откровение говорит об отношении Бога к миру и о Его вочеловечении, имеет совершенно иной смысл. Согласно ему, Бог особым образом вошел во временное: это было решением, которое Он принял совершенно свободно. У вечного и свободного Бога нет судьбы, судьба есть только у человека в истории. Здесь же подразумевается, что Бог вступил в историю и принял «судьбу» на Себя.

Но того, что Бог из вечности вступает в конечное и преходящее, что Он через «границу» совершает шаг в историческое, не постигнуть человеку. Может быть даже, человеческий ум, создав себе «чистое представление о Божестве», отказывается принимать то, что кажется ему случайным и свойственным человеку – и, однако, как раз здесь речь идет о самой сущности христианства. Одного мышления здесь недостаточно. Однажды один из моих друзей произнес фразу, благодаря которой я понял больше, чем мог бы понять только рассудком. Мы говорили на эти темы, и он сказал: «Любовь творит такие дела!» Эти слова помогают мне и теперь. Хотя они ничего не объясняют рассудку, они вызывают к сердцу, помогают ему возвыситься до ощущения Божией тайны. Тайна не постигается, но она становится близкой, и опасность «соблазнов» непонимания исчезает.

Ничто великое в человеческой жизни не возникло из одного мышления: все вышло из сердца, движимое любовью. Но любви присущи ее собственные «почему» и «зачем», – правда, для этого нужно открыть себя ей, иначе не понять ничего... А если любящий – это Бог? Если перед нами Божия глубина и всемогущество – на что только не будет способна тогда любовь? Но такое грандиозное величие, которое каждому, кто не исходит из любви, должно показаться глупостью и бессмыслицей.

Время идет дальше. Получив наставление от Бога, Иосиф берет к себе Ту, с которой он помолвлен, – и как же глубоко этот тихий человек должен был проникнуться этим наставлением! Что должно было произойти в нем, когда он понял, что Бог возложил Свою руку на его жену и что жизнь, которую Она несла в себе, возникла от Святого Духа! Тогда-то и пробудилась великая и блаженная тайна христианской девственности (*Мф 1.19–25*).

Лука сообщает далее: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первой в правление Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, записаться с Мариею, обрученной ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей. И родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (*Лк. 2.1–17*).

То, что мы только что пытались уловить в сокровенности Божиего делания, теперь выступает перед нами в зримом образе. Вот, Ребенок, такой, как все другие человеческие дети: плачет, требует пищи, спит, как все они, и все же Он – «Слово, ставшее плотью» (*Ин 1.14*). Бог не только обитает в Нем, – даже если говорить о полноте Его присутствия, будь то в наивысшей степени превосходящее самое тесное единение с Богом; небесное не только прикоснулось к Нему, так что Он должен за ним следовать, за него бороться и страдать – хотя бы и в силь-

нейшей степени, превосходя любую схваченность Богом, – нет, этот Ребенок есть Бог, Своим бытием и существом.

Если мы ощущаем здесь внутреннее сопротивление, то не будем обходить его молчанием. Не следует, размышляя об этих глубоких вещах, что-либо подавлять в себе: это «что-то» теряет тогда чистоту и затем где-нибудь прорывается с разрушительной силой. Идея вочеловечения может наталкиваться на неприятие, на готовность принять ее как привлекательный и значительный символ, но не в буквальном смысле. Если где-либо в царстве веры и может возникнуть сомнение, то именно здесь. В этом случае будем благоговейны и запасемся терпением. Окружим эту тайну, находящуюся в самом сердце христианства, спокойным, выжидательным благодарным вниманием, ожидающей, просящей внимательностью; и тогда смысл ее рано или поздно откроется нам. А указанием нам могут служить слова: «Любовь творит такие дела...»

Содержание жизни этого Ребенка теперь препоручено Ему. Чем человек является по своему рождению, то и определяет тему его жизни; все остальное добавляется позже. Окружение и внешние события оказывают на него свое влияние, поддерживают и отягощают, поощряют и разрушают, действуют и формируют, – но решающим все же остается первый шаг в бытие, то, что человек представляет собой от рождения. Многие христианские мыслители старались постигнуть, что происходило в Иисусе. Многие пытались дать ответ на вопрос о Его внутренней жизни, исходя то из психологии, то из богословия. Но изучение психологии Иисуса невозможно; оно разбивается о то, чем в конечном итоге Он является. Оно имеет смысл лишь как имеют смысл «вопросы на полях», ведущие к сути, причем суть вскоре поглощает понятия и образы. Что же касается богословского определения, то оно – будучи само по себе истинным и основополагающим для христианского мышления – отвлеченно по самому своему существу. Поэтому вера ищет такие вспомогательные пути мышления, которые могли бы повести дальше. Сделаем следующую попытку.

Это юное существо было человеческим ребенком, с человеческим мозгом, членами тела, сердцем и душой. И было Богом. Содержанием Его жизни должно было быть исполнение воли Отца: возвестить святое благовестие, охватить людей Божией силой, основать Союз-Завет, взять на Себя мир и его грехи, в искупительной любви перестрадать их, вовлечь их в жертвенную гибель и в воскресение к новому благодатному бытию. Но в этом же должен был осуществиться и Он Сам: свершая Свое посланничество, Он должен был свершить Себя Самого, как и сказано словами Воскресшего: «Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» (Лк 24.26). В конечном итоге это самоосуществление означало, что человеческое Существо как бы вступило во владение лично с Ним соединенным Божественным Существом. Иисус не только «переживал» Бога, Он был Богом. И Он не стал Богом в какой-то момент, а был Им от начала. Но Его жизнь заключалась в человеческом осуществлении Его собственного бытия как Бога, в том, чтобы ввести в Свое человеческое сознание божественную реальность и ее смысл; воспринять в Свою волю Божию силу, Своим устроением воплотить святую чистоту; творить своим сердцем вечную любовь; внедрить в Свой человеческий образ бесконечную полноту Божества. Можно было бы и по-другому выразить то же самое: Его жизнь была постоянным овладением в Самом Себе широтой и высотой, мудростью и бесконечной полнотой Его богочеловеческого Существа. Всякая речь, изливавшаяся вовне; всякое действие и борьба означали также и это постоянное продвижение в Себя Самого, продвижение человека Иисуса в Его собственное бытие как Бога. Конечно, наша мысль не проясняет всего, но она ведь не призвана быть неоспоримым теоретическим утверждением; достаточно будет, если она принесет нам действенную помощь. Помочь же она может нам, если мы будем думать о Младенце в яслях... об этом челе и о том, что кроется за ним... об этом взгляде... об этом нежном начинающемся существовании.

Общественная жизнь Господа продолжалась максимум три года; некоторые считают даже, что меньше двух. Как мал этот отрезок времени! Но какими многозначительными оказываются тогда предыдущие тридцать лет, когда Он не учил, не боролся, не творил чудес! Пожалуй, верующий ум ничем не привлекается к жизни Господа сильнее, чем молчанием этих тридцати лет. Мысль, которую мы призвали на помощь, может, видимо, помочь нам услышать голос этого молчания и благоговейно прикоснуться к тому невообразимому, что происходило в Иисусе.

Один раз это прорывается наружу – в событии, о котором повествует Лука: Его родные в первый раз взяли Его с собою на паломничество в Иерусалим, когда Ему было двенадцать лет. «Когда Он был двенадцати лет, пришли они по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней *праздника*, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Мать Его, но думали, что Он идет с другими; пройдя же дневной путь, стали (только тогда) искать Его между (также путешествовавшими) родственниками и знакомыми и не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего среди учителей, слушающего и спрашивающего их. Все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И увидев Его, (родители) удивились; и Мать Его сказала Ему: „Чадó! Что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и я с великой скорбью искали Тебя“. Он сказал им: „Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?“ Но они не поняли сказанных Им слов...» Он приходит в храм, и вот там нечто возникает в Нем и охватывает Его. Исчезла Мать, исчез Иосиф, исчезли спутники! Когда же Мария спрашивает в великой тревоге: «Чадó! что Ты сделал с нами? Я и отец Твой с великою скорбью искали Тебя», – Он ставит встречный вопрос с таким удивлением, что оно показывает, как далеко Он от них находится: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Я должен быть в доме Отца Моего?»

А далее: «И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них».

И еще: «Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте, и в любви у Бога и человеков» (Лк 2.41–52).

4. Предтеча

Перед Господом – мощно, но все же бледнея рядом с Ним, вырисовывается великий образ Иоанна Предтечи. Лука рассказывает о тайне, которой оваяно его рождение: как он был дарован своим родителям тогда, когда они были уже в преклонных летах, и как при этом было дано обетование, что «он будет велик пред Господом, не будет пить вина и сикера, и исполнится Духа Святого еще от чрева матери своей. И многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их. И предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возратить сердца отцов детям, и непокорным образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный». Все, кто слышит об этом, потрясены и дивятся: «Что будет младенец сей? И рука Господня была с ним» (*Лк 1.15–17 и 57–79*).

Дальше же сказано: «Младенец возрастал и укреплялся духом; и был в пустынях до дня явления своего Израилю» (*Лк. 1.80*).

Этот мальчик призван к великой и очень трудной жизни. Рука Господня легла на него, отозвала его от всего, что обычно составляет человеческую жизнь, и направила в одиночество. Теперь он живет там отчужденным, в строжайшей отрешенности, укрепляясь духом, сосредоточивая все свое существо на святой воле, которая к Нему обращена. Если мы хотим представить себе эту жизнь, то нам нужно открыть Книги Царств и почитать о ранних пророках, таких, как Самуил, Илия или Елисей, которые вели подобную же сверхчеловеческую жизнь, будучи то вознесены на царственную высоту, просвещены непостижимым знанием, вдохновлены на великие деяния, то вновь низвергнуты во мрак и бессилие по воле Духа; то преисполняясь величия, превосходящего меру человеческого, то теряя в своей униженности всякое человеческое достоинство. Ничего для себя, все в распоряжение силы, которая ими управляет, все подчинено действующей в народе тайне Божиего водительства... Таков же последний в их ряду – Иоанн – с тем только различием, что то событие, с которым он соотнесен, теперь вот-вот наступит. Повсюду завязывается то, что евангелисты называют «полнотой времен». Лоно современности набухает, и сроки созревают (*Мк 1.15; Гал 4.4*). На это направлена жизнь Иоанна. Туда он указывает. Среди пророков, возвещающих Мессию, именно ему дано произнести: «Вот Он!»

Настал день, когда зов был обращен к нему. Время указано с той торжественной точностью, которая сопровождает описание призыва в пророческих книгах: «В пятнадцатый год правления Тиверия Кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне. И он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов» (*Лк 3.1–3*). И вот что гласит его проповедь: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему; всякий дол да наполнится, всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и узрит всякая плоть спасение Божие» (*Лк. 3.6*). «И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне», слушали мощный голос, призывавший изменить всю свою жизнь, «и крестились от него в реке Иордане, исповедуя грехи свои» (*Мк 1.5*). Это – подготовительное крещение, «только водою», предшествующее другому крещению, которое будет совершаться «Духом Святым и огнем» (*Лк 3.16*). Когда в народе возникло предположение, что Иоанн и есть Мессия, «Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? он объявил, и не отрекся, и объявил, что он не Христос. И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет. Сказали ему: кто же ты? Чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? Он сказал: я глас вопиющего в

пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исайя. А посланные были из фарисеев; и они спросили его: что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк? Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде, но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви Его» (*Ин 1.19–27*). И Лука приводит слова: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым» (*Лк 3.16–17*).

И вот к Иордану среди многих приходит и Иисус, чтобы принять крещение от Иоанна. Тот страшится и отказывается: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» Но Иисус подчиняет Себя человеческому закону: «Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Тогда Иоанн допускает Его, крестит Его, и когда Он выходит из воды, над Ним совершается тайна, исходящая от Духа: небо разверзается – снимается преграда между сотворенным и Богом – и в образе голубя Дух Божий нисходит на Иисуса. Теперь Иоанн познал тайну Иисуса (*Мф 3.13–17*).

Побуждаемый Духом, Иисус уходит в пустыню, возвращается, собирает вокруг Себя учеников и начинает учить. Он идет путем, указанным Ему волей Отца; Иоанн следует своим путем. Но в отношениях образуется сложная связь: внимание, и недоверие, и ревность.

Однажды ученики Иоанна приходят к своему учителю и жалуются: «Равви! Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот, Он крестит, и все идут к Нему». И Иоанн произносит глубокие слова самоотречения: «Не может человек ничего принимать от себя, если не будет дано ему с неба. Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: „не я Христос, но я послан пред Ним“. Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умалиться» (*Ин 3.22–30*). Другой раз ученики Иоанна добиваются у Иисуса ответа на вопрос: «Почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?» Он же говорит им: «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» (*Мф 9.14–15*). Теперь «брачное время», которое никогда больше не вернется, и каким же коротким оно будет... И ученики Иисуса приступают к Нему: «Господи! Научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих», – и Он учит их молитве «Отче наш» (*Лк 11.1*).

А потом судьба пророка свершается над Иоанном. Быть пророком – значит говорить то, что повелевает Господь, и в согласии со своим временем и против своего времени. Соответственно этому Иоанн обращает свое слово к Ироду, одному из четырех властителей страны. Тот развратен, склонен к насилию, испорчен властью и внутренне неуверен, как и большинство людей этого рода. Он отнял у своего брата его жену Иродиаду и живет с ней. Иоанн выступает против него: «Это тебе не дозволено!» Преступление, заключающееся в упреке властителю и еще больше в противодействии страсти этой женщины, должно быть наказано; поэтому Иоанна ввергают в темницу. Но Ирод чувствует тайну этого человека, вызывает его к себе, беседует с ним – и все же не находит в себе силы высвободиться из трясины (*Мк 6.17–21*).

Так живет Иоанн, этот могучий человек, в темнице. Однажды он посылает людей к Иисусу и поручает им спросить Его: «Ты ли Тот, Который должен прийти или ожидать нам другого?» (*Мф 11.3*).

Говорили, что Иоанн сделал это ради своих учеников, чтобы они пришли к Возвешенному и из Его уст услышали подтверждение. Вероятно, это так и было, но, возможно, Иоанн сделал это и ради себя самого, и это не вступило в противоречие с его посланничеством. Прозрительность пророка часто представляют себе так, что прозревшее будущее, он обладает с этого времени непоколебимым знанием; будучи охвачен Духом, он не ведаёт больше сомнений. В действительности же – бури сотрясают жизнь пророков, немощи отягощают ее. Временами

Дух возносит пророка над всякой человеческой высотой; тогда он, прозревая, обладает той силой, которая изменяет ход истории. Временами же он низвергается во тьму и бессилие, как Илия, когда он в пустыне бросился под куст и просил смерти – нет ведь более величественного и потрясающего изложения сущности и судьбы пророков, чем главы 17–19 Третьей Книги Царств... Может быть, Иоанн спрашивал все-таки ради себя самого, и тогда те часы раздумий, после которых он обращается с вопросом к Иисусу, должны были быть ужасны. Иисус же отвечает: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют» (*Мф 11.4–5*). Это слова из пророчества Исаии (*Ис 61.1–4*), и последний из пророков понимает их смысл.

Но за этим следует странная фраза: «И блажен, кто не соблазнится о Мне». Невольно становишься: что это значит? Что это за предостережение от соблазна? Конечно, оно высказано в общей форме и относится ко всем, ибо касается глубочайшей сущности христианской жизни, но оно обращено и к Иоанну. Что же означает оно здесь? Но оставим пока эти слова. К ним мы еще вернемся.

Дальше написано: «Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? Трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? Человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы? Пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: „се, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою“. Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его. От дней же Иоанна Крестителя донны Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его; ибо все пророки и закон прорекали до Иоанна. И если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти: кто имеет уши слышать, да слышит!» (*Мф 11.7–15*). Никогда еще ни одному человеку не давалось такого свидетельства. Величайшим из рожденных женами называет его Господь, и слово это не прейдет. Иначе говоря, он назван величайшим из всех людей. Таинственно непроницаемое величие встает перед нами. «Если хотите понять», он – Илия, который должен был вернуться. Он – «вопиющий в пустыне», тот, вся жизнь которого сводится к тому, чтобы указать: «Вот Он!» Но добавлено: «Меньший в Царстве Небесном больше его». Мы опять останавливаемся: что это означает? Но оставим пока и это.

Затем судьба его свершается. Иродиада хочет устранить его со своего пути. Когда на пиру ее дочь Саломея угождает присутствующим своей пляской и в награду царь обещает исполнить любое ее пожелание, мать уговаривает ее потребовать «на блюде голову Иоанна». Царя приводит в ужас чудовищность такого злодеяния, но он слаб и уступает (*Мк 6.21–29*).

Иоанн умерщвлен. Ему было отпущено немногим больше тридцати лет. Величайший из пророков, величайший из людей погублен ненавистью распутной женщины и слабостью мелкого растленного тирана. В Евангелии от Иоанна есть несколько мест, проливающих свет на его внутренний мир.

Однажды Иисус идет по берегу Иордана один, – и как трогает нас это одиночество: нет еще ни одного слова благовествования, нет еще при Нем ни одного ученика, все впереди, а над Ним витает великая Тайна, – но Иоанн видит Его издали и возглашает: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира. Сей есть, о Котором я сказал: „за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня“. Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю» (*Ин 1.29–31*). Далее Иоанн говорит в свидетельство о Нем: «Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: „на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым“. И я видел и я засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (*Ин 1.32–34*).

Здесь нам дается возможность заглянуть в душу пророка. Сначала он не знает, кто Мессия. Знает только, что Тот где-то здесь, где-то среди живущих, как указывает Ин 1.26: «Стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете»; и Лк 3.16: «Но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви». Затем совершается крещение, небеса разверзлись, Дух сошел, и теперь он может сказать: «Вот Он!»

«На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот, Агнец Божий» (Ин 1.35–36). Теперь начинается «возрастание» Иисуса и «умаление» Предтечи: «Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви! (что значит: учитель) где живешь? Говорит им: пойдите, и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа». (Ин 1.37–39). Андрей и Иоанн отделились от своего учителя и перешли к «Тому».

В том было величие Предтечи, что он взором проник в полноту времен: «Вот Он!» Но что означают слова о соблазне и о меньшем в Царстве Небесном, которые мы при чтении оставили в стороне?

Высказывалось мнение, что Иоанн надеялся на земное господство Мессии и что этими словами Иисус выговаривает ему. Я же думаю, что они выражают нечто более глубокое. Господь назвал его величайшим из всех рожденных женами, и так это и было. Едва ли и сам он мог не ощущать этого величия, исключительного значения и силы своего существования. Но верно и другое изречение: самый малый в Царстве Божиим – говоря по-человечески, кто угодно, первый встречный – больше его! Что означают эти слова, как не то, что Иоанн не принадлежал к Царству Божию в том смысле, который в то время имелся в виду? Он не замкнулся в себе – ведь его посланничество и его величие заключались именно в том, чтобы быть глашатаем пришествия этого Царства. И не то, чтобы он не был его достоин, – ведь он «исполнился Духа Святого... еще от чрева матери своей» (Лк 1.15). Но его посланничество именно предписывало ему идти впереди и указывать и, вместе с тем, в каком-то смысле остановиться у дверей. Вспоминается, как Моисей при приближении смерти стоит на горе Нево и смотрит вниз на обетованную землю. Он не имеет права вступить в нее; действительно обетованное открывается ему только по ту сторону смерти (Втор 34.1–6). Для Моисея это было наказанием, потому что он не устоял при испытании; для Иоанна же это было, вероятно, не наказанием, а посланничеством. Все в нем стремилось ко Христу, к единению с Ним, к погружению в Царство Божие, которое должно было взойти теперь в Исаевой полноте и повлечь за собой новое творение, невообразимое для нас, но ясно ощутимое для него как пророка и чаемое всей силой его существа. Но чтобы объяснить это, мало одной психологии; толкователем здесь мог бы быть лишь тот, кому ведомы судьба в Духе, тайна предустановленного, определенные Богом назначение и граница. Шагнуть за эту границу Иоанну не было дано. Он должен был оставаться предтечей, глашатаем и привратником Царства до самой смерти – и лишь после нее ему давалось право войти и пребывать в нем.

Теперь подумаем о его судьбе: он лежит в темнице, во власти презренного ничтожества; знает, что на него надвигается смерть, смерть от Иродиады. Разве, сознавая все свое величие, он не должен был возмутиться всей этой кажущейся бессмыслицей? Не пришел ли тогда его самый темный час, вместе с опасностью восстать и спросить: может ли действительно быть Мессией Тот, при служении Которому от меня требуют подобного? Если это было действительно, если Иоанн в смущении задал себе этот вопрос, сердце умиляется, открывая здесь тайну любви. Слова Иисуса «Блажен, кто не соблазняется о Мне» переданные из далека через уста учеников, непонимавших их, во мрак темницы тем, кто знал что происходит в душе Иоанна, но мог так кротко, с таким спокойным доверием предложить нам высшую жертву, свидетельствуют об этой тайне любви. Иисус знает своего Посланника, знает как тяжело его испытание. Божественно велики слова, переданные им Иоанну; но сам Иоанн их понял.

5. Крещение и искушение

Нам не поведано, как окончилось время сокровенной жизни Господа. Художники пытались изобразить прощение Иисуса с Его близкими, но это – плоды благочестивых домыслов. Евангелия повествуют только о том, как к Иоанну, призывающему к покаянию и крестящему в Иордане, внезапно приходит Иисус, желая креститься. Иоанн отказывается: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» Но Иисус говорит ему в ответ: «Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду». Тогда Иоанн уступает. Когда же Иисус крестился и вышел из воды, «се, отверзлись Ему небеса и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (*Мф 3.13–17*).

Когда Иисус приходит к Иордану, Он имеет за Собой глубокий опыт детства и долгих лет «преуспеяния в премудрости и возрасте и любви» (*Лк 2.52*). В Нем живет сознание неслыханного назначения Его жизни и ощущение сил, поднимающихся из неисследимых глубин, – но первое действие, которое Он совершает, и первые слова, Им произносимые, дышат смирением. Ни малейшей претензии на необычайность, утверждающую: «Это годится для других, но не для меня!» Он приходит к Иоанну и просит Его крестить. А просить крещения – значит принять слово Крестителя и признать себя грешником, покаяться и отдаться тому, что придет от Бога. Теперь мы понимаем, почему Иоанн в испуге отказывается. Иисус же входит в ряд желающих креститься. Он не ищет для Себя никакого исключения, но подчиняет Себя «правде», обязательной для всех.

На это нисхождение в человеческую глубину приходит ответ с высоты. Небеса разверзнутся. Препграда, отделяющая от нас вездесущего Бога на небе, в Его блаженном Бытии-у-Себя, – т. е. сам человек в его падшей тварности и то, что он за собой увлек мир и «покорил его суе» (*Рим 8.20*), – эта препграда уничтожается. Происходит бесконечная встреча. Навстречу человеческому сердцу Иисуса течет открытая полнота Отца. Это происходит, когда Иисус молится, говорит Лука, указывая, по-видимому, на то, что это – внутренний процесс (*Лк 3.21*), реальный, более реальный, чем все окружающие ощутимые вещи, но внутренний, «в Духе».

Святой Дух подымает человека выше его самого, чтобы он познал Бога Святого и проникся Его любовью. Полнота этого Духа нисходит на Иисуса. Мы уже говорили о тайне, из которой вырастает существование Иисуса: Он – единосущный Сын Божий; Он несет в Себе бытие живого Божества, которое насквозь пронизывает Его и просвещает, а вместе с тем Он – подлинный человек, ставший подобным нам во всем, кроме греха, поэтому Он растет, «преуспевает в премудрости и возрасте и любви», и не только «у людей», но и «у Бога»... Здесь тайна сгущается: Он – Сын Отца. Отец всегда с Ним, и даже «в Нем», и Он «в Отце» (*Ин 14.10–12*). То, что Он делает, представляет собой деятельность по предрешению Отца; это предрешение лежит открытым перед Ним, Он «видит» его. Вместе с тем, говорится, что Он «приходит» во времени от Отца и к Нему «возвращается» – вплоть до непостижимых слов на кресте об оставленности Богом (*Мф 27.46*). Поэтому и Дух всегда в Нем, ибо Дух – это ведь любовь, в силу которой происходит проникновение Сына в Отца, и Отца в Сына, и сила, посредством которой Он стал человеком. Тем не менее, здесь Дух «нисходит», подобно тому, как впоследствии Он «пошлет» Его «Своим» от Отца. Здесь наше мышление уже бессильно, хотя оно и угадывает реальность, стоящую выше всякой реальности, и истину, стоящую выше всякой истины. Но этим оно не должно вовлекаться в кажущееся понимание, в такие чувства и слова, за которыми нет никакой основы. Все это – тайна триединого Бога в Его отношении к Сыну Божию, ставшему человеком. Мы не можем вникнуть в нее, и признание этого бессилия должно стоять надо всем, что может быть сказано о существовании Иисуса.

Сила Духа находит на Иисуса, и при несказанной встрече в Божией полноте этого мгновения раздаются слова Отчей любви, которые у Луки принимают форму прямого обращения: «Ты Сын Мой возлюбленный, в Тебе Мое благоволение!» (*Лк 3.22*). Так, «исполненный Духа Святого, Иисус возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню» (*Лк 4.1*).

Полнота Духа влечет Его. Марк подчеркивает это, используя слово из языка пророков, выражающее насильственное действие: Дух «кидает» Его в одиночество, далеко от родных, далеко от всего народа, собравшегося при Иордане, туда, где нет никого, кроме Отца и Его. Марк дает нам почувствовать степень этого одиночества, говоря: Он «был со зверями» (*Мк 1.12–13*). Там живет Он сорок дней и сорок ночей. Сорок – это условное число: оно выражает продолжительное время, основанное на ритме жизни.

Иисус постится, Его внутреннее существо стоит перед Богом. Как сказать нам о том, что тут происходит? Один раз, в Гефсимании, нам дозволяется постичь смысл молитвы Христа. Мы видим тогда, что она заключается в полной отдаче собственной воли воле Отца. Может быть, молитва в пустыне имела то же содержание, но только на радостном фоне начала.

За этим следует история искушения: «И, постившись сорок дней и сорок ночей, (Он) напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: „не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих“. Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: „Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“. Иисус сказал ему: написано также: „не искушай Господа Бога Твоего“. Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня сатана, ибо написано: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи“. Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему» (*Мф 4.2–11*).

Иисус ушел в пустыню, преисполненный Духом, ведомый небывалым сознанием посланничества и силы. Он постится. Что означает не вынужденное лишение, а принятый с внутренней готовностью пост, пусть нам скажут учителя духовной жизни. Теперь и врачи и воспитатели стали более осведомленными в этой области. Сначала ощущается только недостаток в пище; потом желание пищи исчезает и больше не появляется в течение многих дней, в зависимости от силы и чистоты натуры постящегося. Когда тело не получает никакой пищи, оно живет за счет себя самого, но когда это самосожжение затрагивает уже важнейшие органы, пробуждается дикий, стихийный голод, и тогда уже жизнь находится в опасности: это и есть то «алканье», о котором говорится по поводу Иисуса.

Вместе с тем во время поста происходят какие-то внутренние процессы. «Тело как бы взрывается». Дух становится более свободным. Все высвобождается, становится легче. Тяжесть и неудобность, вызываемое весом, ощущаются меньше. Границы реальности приходят в движение, пространство возможного расширяется... Дух становится более восприимчивым, совесть более зрячей, более тонкой и мощной. Усиливается чувство, располагающее к духовным решениям...

Предохранительные устройства, защищающие человека от тайных и опасных сторон природного бытия, от угрожающей близости того, что находится под, над или рядом с человеческим существованием, разлаживаются. Внутреннее предстает как бы без оболочки, открытым воздействию других сил... Сознание духовной мощи растет, и резко возрастает опасность лишиться способности ясно видеть меру отведенного нам, границы собственного конечного бытия, его ценности и возможностей, – опасность самопревознесения, магии, кружения в воздухе... В особенности, если все это переживает религиозно очень одаренный человек; тогда возможны кризисы, при которых дух ставится перед крайними решениями и подвергается великим опасностям.

В это мгновение и происходит искушение со стороны того, кто в Иисусе узнал своего великого противника.

Как выражено это искушение! Сколько неясного, возбуждающего содержится уже в словах «Если Ты Сын Божий»! Это напоминает нам то искушение, которому подвергся первый человек: «Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» (*Быт 3.1*). «Подлинно ли... ни от какого дерева» – ведь отсюда и произошла адская неясность, отравляющая всякую простоту доверия и послушания. Полусвет, искажающий все, – он хуже откровенной лжи. Здесь происходит то же самое, нечто гораздо более опасное для духа, стоящего на границе человеческих возможностей, чем прямое нападение... «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Голод призывается в союзники; ощущение силы, способной творить чудеса, и сознание Божиего сыновства ставятся под сомнение и именно этим растрavляются. Алчность должна вырваться наружу и захватить в свои руки чудотворную силу, обязанную служить только Божией задаче. Все должно быть увлечено от чистого служения воле Отца в дебри заблуждения.

Но алчность не проявляется – даже в своей противоположности, в насильственном подавлении желания. Ответ Иисуса дышит спокойствием и свободой: «Не хлебом одним жив человек»! Человек действительно жив хлебом – так должно быть. Но не только им. Еще нужнее для жизни хлеб «слова, исходящего из уст Божиих». Его он должен желать прежде всего. Искушение отскакивает от этой совершенной внутренней свободы. Позже Иисус стоит на крыле храма, видит разверзающуюся бездну, кишащую внизу толпу – и опять: «Если Ты Сын Божий...» Будоражающее, головокружительное искушение: «Бросься вниз!» Но эта убийственная опасность прикрывается благочестивыми словами: ибо написано, «Ангелам Своим заповедает о Тебе и на руках понесут Тебя». Удар рассчитан с предельной точностью; он приходится как раз туда, где для человека, ставшего неуверенным из-за греха, соблазн должен стать смертельным: внутренний мир плывет, он освобожден от весомости после долгого поста, возможное и невозможное теряют четкость очертаний; воображение требует необычайного, поражающего. К этому прибавляется притяжение бездны. Да и кто не ощущал нечто подобное, стоя на высоте и видя перед собой разверзающуюся пропасть? Не попробовать ли? Не соскользнет ли нога? О, это искушение самим падением, завуалированное упоминанием обещанной охраны! Оно помутило бы сознание всякого, кто лишен предельно чуткой бдительности. Но здесь сохраняется эта бдительность, и – искушение опять отскакивает. «Написано также» – и какая высокая свобода выражается в том, что это не просто отпор, который означал бы еще некую связанность, но ответ, порожденный чистотой самого сердца и утверждающий общий для всех долг. «Не искушай Господа Бога Твоего».

Противник еще раз собирается с силами: вот вершина горы и расстилающаяся слава мира. И она будет принадлежать тому, кто воистину способен господствовать! Как должны сыграть сила духа, достоинство возвышенной личности и воля к власти! Нежнейшая и мощнейшая восприимчивость самого живого из когда-либо бившихся сердец, – как должна была она почувствовать драгоценность мира, сладко и мощно вливающуюся в кровь и вызывающую ко всем силам, способным охватывать и обладать, образовывать и творить: то величие, которое Ты есть, которое Ты в себе чувствуешь – куда хочешь Ты его направить? В несостоятельность мелких людей? В тупость благочестивых? В миссию странствующего проповедника? Разве не видишь Ты славу вокруг мирового престола? Ты же Владыка! Величие и задачи Владыки ожидают Тебя! Небывалая приманка! Но только ценой ее было бы отпадение от Бога. «Все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне». Речь идет теперь о последнем «или – или». И раздастся последний окончательный ответ: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Тогда диавол отходит от Него. Лука говорит: «до времени» (*Лк 4.13*).

Иисус же возвращается к людям; следуют тихие дни, предвестники будущего великолетия. Но вскоре люди начинают приходить к Нему.

Как прекрасны мирные эпизоды, о которых рассказано в начале четвертого Евангелия. Например, Иоанн стоит, а Иисус проходит мимо, и Креститель указывает на Него: «Вот, Агнец Божий». Два ученика слышат это и идут за Иисусом. Он же оборачивается, видит, что они идут за Ним, и спрашивает: «Что вам надобно?» Они не знают, что сказать, и отвечают: «Учитель, где живешь?» Он говорит: «Пойдите и увидите». Они идут с Ним, видят, где Он живет, и остаются на весь вечер. И это были Андрей и Иоанн.

С какой мощью жизнь Иисуса проявляется в этих событиях! Из полноты и величия многолетнего молчания выступает смирение и включается в определенный порядок. Небо над Ним разверзается, Дух нисходит и голос Отца говорит о Его вечном благоволении. От Иордана Иисус уходит в одиночество пустыни. Перед ним встает искушение, и, собственно, нельзя даже сказать, что оно преодолевается: выясняется просто, что никакое искушение не может устоять перед этой божественной свободой. Затем следует возвращение в установленный круг посланничества и спокойное ожидание, пока не придет час начала.

6. Промежуточное время

От возвращения Иисуса из одиночества пустыни до начала Его проповедничества, т. е. между искушением и первым благовествованием, пролегает период, краткий как одно мгновение. Все заключено в настоящем. Его детские и юношеские годы не простирают больше над ним своего покрова, а деятельность и борьба на поле исторической действительности еще не началась. Создается впечатление, что на короткое время Иисусу предоставлена полная свобода. Как только Он начнет благовествовать, каждое слово будет вызывать ответ, каждый поступок повлечет за собой ответ; действие будет переплетаться с противодействием, и станет образовываться тот переплет исторических событий, который охватит Его и уже не выпустит до свершения Его судьбы... Пока Он движется на свободе.

На Нем – сошедшая при крещении полнота Духа. Она течет на Него, цветет в Нем. Дух желает действовать и творить, стремится выразиться в словах и делах, ищет водительства и борьбы, но теперь, в этот краткий час, у Него еще нет направленности. Он изливается, цветет, Он просто дан, преисполненный Самим Собой и бесконечными возможностями.

Здесь мы можем, пожалуй, задержаться на мгновение и освоиться с одним обстоятельством, которое чаще всего забывается. По привычке считают само собой разумеющимся, что Иисус прожил лишь немногим больше тридцати лет. Мы знаем Его, как Распятого, умершего после краткого периода деятельности. Но то, что это так случилось, вовсе не разумеется само собой. Правда, Он сказал, что «так надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою» (*Лк 24.26*), но это «надлежало» в силу любви, и любви божественной. В остальном же это совсем не должно было быть в обязательном порядке; напротив, чудовищным, ужасным, непостижимым было то, что этот образ, неисполненный всех божественных возможностей, был сокрушен по истечении такого короткого времени!

Разве не должны были и дальше оставаться в силе слова: Он «преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков»? Не будем слишком отважно говорить о «неизбежном». Кто имеет право утверждать, что человек настолько недоступен всему идущему от Бога, что его встреча с Богочеловеком неизбежно обрекала Богочеловека на смерть? А если бы народ принял Его... Если бы Он мог и дальше «преуспевать в премудрости и возрасте и в любви», до сорока, до шестидесяти, до восьмидесяти лет, до самой глубокой старости, – какая только человеческая и божественная слава не была бы явлена? Иисус в возрасте Авраама, в возрасте Моисея! Конечно, христианское мышление, предупрежденное о таинственности путей Божиих, и здесь останавливается. Но все же оно имеет право заходить настолько далеко, чтобы почувствовать беспредельность любви, отдавшей себя в жертву!

Станным образом, именно Иоанн, «метафизик», дает нам возможность участвовать в переживании этого мгновения свободной полноты, – хотя это и не покажется странным, если вспомнить, что он был тот, «которого любил Иисус» (*Ин 13.23*). Итак, он рассказывает, что стоит Креститель, может быть, с тем или другим из своих учеников, а Иисус проходит мимо. Тогда Иоанн восклицает: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира!» За этим следуют фразы, в которых он говорит о таинственном событии при крещении Иисуса. Ученики молчат. Чувствуются их благоговейно и ожидающе устремленные взгляды. Но ни один из них не двигается, и Иисус проходит мимо (*Ин 1.29–34*).

Но дальше сказано: «На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышавши от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви! (что значит: учитель) где живешь? Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа» (*Ин 1.35–39*).

Здесь мир делает как бы первый шаг в направлении к Нему. Оба ученика отходят от своего учителя, следуют за проходящим мимо Господом, и Иисус принимает эти первые шаги людей навстречу Ему: «Что вам надобно?» А они не решаются говорить на улице, хотят знать, где Он живет, и Он ведет их к Себе. Они остаются у Него, начиная с десятого часа, т. е. с четырех часов дня, до захода солнца.

Можно проникновенно думать о том, какие разговоры могли тогда вестись между двумя учениками, с полной готовностью пришедшими от Крестителя, и Им, над Которым текла бесконечная выжидательная полнота. Какой чистотой должны были отличаться эти разговоры, подобные нетронутым весенним цветам или первым струям родника. Ведь ничто еще не было затронуто мирским. Ни одно слово Единственного еще не было превратно понято людьми. Еще не было никакого отпора, не было недоверия и подозрений. Все жило еще в несказанной чистоте начала.

А те двое были Иоанн, впоследствии имевший право назвать себя «учеником, которого любил Иисус» (*Ин 13.23*), и Андрей, о котором Евангелие не сообщает больше ничего; но, по преданию, он отличался особой любовью к кресту и вслед за своим Учителем принял в Ахае ту же смерть.

И еще сказано: «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Помазанника; и привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)» (*Ин 1.40–42*).

Снова прикосновение. Словно молния сверкает из глаз и воли Иисуса: «Ты Симон, сын Ионин, – ты наречешься Кифа!» Это взгляд, направленный на то, что должно произойти. И это приказ: взгляд и приказ, направленные в историю и создающие историю, до тех пор, пока история продолжается.

Иоанн повествует далее: «На другой день Иисус восхотел идти в Галилею и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною» (*Ин 1.43*). Филипп захвачен и идет с Ним. Затем: «Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего. И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (*Ин 1.45–51*).

Открылось проницательное, перекрывающее пространство и время, зрение пророка, и больше чем пророка. Нафанаил же чувствует, что он был «увиден» – это слово употреблено здесь с той потрясающей человека силой, которая применяется в Ветхом Завете, когда называют Бога, «Того, Который усмотрит» (*Быт 22.14*).

Иисус еще свободен. Он проходит в преизбыточествующей полноте Духа, – но мир, в который Он должен вступить, уже идет Ему навстречу. Антенны этого мира направлены на Него. Начинается сближение, и краткий час близится к концу.

Приходящие ошупью ищут Его и действительно, сами того не зная, уже привлечены. Эти люди, которых Иисус допускает к Себе и на которых Он останавливает Свой взор, отныне отмечены навеки. Никогда больше нельзя будет угасить молнию, ударившую в их души и определившую их посланничество и судьбу. Сначала они возвращаются к своим прежним занятиям: то было лишь первое соприкосновение. Только позже они высвободятся из всего и «после-

дуют» за Ним в буквальном смысле этого слова. Но Иисус уже связан с ними, и час свободы прошел.

А теперь мы хотим рассмотреть еще одно событие, которое также относится к самому раннему времени: брак в Кане. Благодаря ему нам станет ясно, как полнота Духа в Иисусе складывается в действие данного момента. Что речь идет о самом раннем времени общественного служения Иисуса, колеблющемся между семейной связанностью и проповеднической жизнью, видно уже из первых стихов, где сказано, что «и Мать Иисуса была там, был также зван Иисус и ученики Его». Потом мы слышим о смущении, вызванном тем, что у них не было больше вина, и о том, как Мария обратилась к своему Сыну. Он же «говорит ей: что мне и тебе, Жено? Еще не пришел час Мой» (*Ин 2.4*). По всей вероятности, это означает: то, что ты говоришь, просьба, с которой ты ко Мне обращаешься теперь, не может быть обязательной для Меня. Я могу действовать только на ином основании. Закон Моего действия – это «Мой час», указание Отца.

Вновь и вновь Иисус говорит о воле Отца. Эту волю мы должны представлять себе не как заранее установленное предписание, содержащее все, что нужно будет делать с течением времени, но как нечто, живущее в Иисусе, развивающееся и определяющееся в ходе событий. «С ним всегда» Сам Отец, Носитель этой воли. Она все время поддерживает, наполняет, овеивает и побуждает Иисуса, так что Он, такой одинокий в мире, находит в ней Свою Родину, так что осуществление этой воли составляет Его «пищу» (*Ин 4.34*). То в одном случае, то в другом она сгущается в конкретное решение и требование. В данной обстановке, в том, что происходит вокруг Него, из этой воли исходит особое указание: теперь «Его час». Несказанные отношения с Отцом полны интимности и непосредственности, но в то же время они трудны и являются источником великого страдания. Нам это напоминает жизнь пророка. Он находится в бурлящем потоке повседневности, направляемой обычными побуждениями выгоды, наслаждения и земных ценностей. Люди хотят есть и пить, иметь жилище и собственность, наслаждаться и быть в почете, работать, господствовать, творить. Среди этой, всем понятной разумности пророк стоит как постороннее существо. Он послушен иной «логике» – Божией мысли, которая «выше мыслей человеческих, как небо выше земли» (*Ис 55.9*), и поэтому его действия должны казаться им глупостями или даже – вспомним, например, Иеремию – опасным абсурдом. Пророк повинуетя иному побуждению: веянию Духа, Который «дышит, где хочет» (*Ин 3.8*), внезапно, непостижимо, так что Им направляемые речи и действия должны казаться произволом и безумием... В насколько большей мере все это относится к Иисусу! Все Евангелие от Иоанна полно того впечатления, которое Его поведение производит на «разумных» фарисеев и саддукеев. Они обеспокоены, испуганы, возмущены. Они чувствуют, что их порядок потрясен, народная безопасность подорвана. Только так можно понять слова, которые иначе были бы лишь кощунственны: «Не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?» (*Ин 8.48*) —... что Ты полужызычник и что движет Тобою бесовская сила? Таким образом проливается свет даже и на такое смущающее нас место Евангелия (*Мк 3.20–21*): «Приходят в дом; и опять сходится народ, так что им невозможно было и хлеба есть. И, услышав, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из Себя». А дальше это событие развивается так: «Книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в Себе веельзевула и что изгоняет бесов силою князя бесовского». За этим следуют фразы, повествующие о том, что «Мать и братья Его, стоя вне дома, послали к Нему звать Его» (*Мк 3.31*).

Во всем этом мы чувствуем святой и страшный закон, под сенью которого Он находится; направляющую Его глубокую, внутреннюю неумолимую силу, как нечто чуждое, врывающуюся в каждодневное существование так, что «оружие» проходит между Ним и другими и причиняет бесконечную боль. Мы чувствуем страшное одиночество, в котором Он живет, и начинаем осознавать, что значит веровать в Него и за Ним следовать!

Но эта воля есть любовь Отца. Она возносит Его к Богу. Благодаря ей все оказывается в мощном, сияющем, интимном бытии. Воля Отца, ежечасно сгущающаяся в особые указания, есть любовь Святого Духа. Из нее исходит, в зависимости от сложившейся ситуации, то, что делает Иисус.

Так и в эпизоде, о котором здесь идет речь, «Его час» приходит сразу. Мария не теряет, получив отказ. Она чувствует происходящее в Нем и говорит слугам: «Что скажет Он вам, то сделайте». И вот пришел «Его час», и Он совершает чудо: превращает воду в обильное доброе вино – символ Божиего преизобилия, которое владеет Им и ищет пути в человеческие сердца.

7. Начало

То время, когда Иисус движется свободно в полноте Духа, проходит быстро. Мы видели, как скоро люди начали тесниться к Нему и как стала сплетаться ткань, которой предстояло определить Его судьбу.

Хронологические указания в жизни Иисуса частью очень гадательны; некоторые из них, вероятно, никогда не удастся выстроить в точной последовательности. Некоторые крупные факты установлены твердо, вокруг же них располагается множество событий, поступков, речей, которые часто подобраны евангелистами по их сходству, чтобы памяти было легче их усвоить. То, что с исторической точки зрения представляется просто несостоятельностью, означает в действительности нечто более глубокое. «Истории» в человеческом смысле слова вообще не существует у Сына Божия. Своим рождением Он вошел в человеческую историю, Он жил в ней, действуя и страдая, Его смертью завершилась Его судьба и, воскреснув, Он снова перешагнул через границы временного. В пределах этого определения Он вполне историчен, но Он остается Богом. То, что Он делает, исходит из вечности; тем самым Его опыт становится достоянием вечности. Конечно, Он во времени и поэтому стоит «под законом» (*Гал 4.4*), тем не менее, Он – именно своей подчиненностью Владыке времени и Он вершит новую историю, подлинную историю «сынов Божиих» и «нового творения». Поэтому Его судьбу нельзя свести к историческим предпосылкам, и гадательность хронологии Его жизни означает нечто большее, чем простой недостаток: она выражает повсеместно действующую сопредельность с вечностью.

Если мы последуем за Иоанном, то возникает впечатление, что после первых встреч с будущими учениками Иисус направился в Иерусалим к празднику Пасхи. Тогда и произошло очищение Храма, как первое проявление полноты Духа. Чувствуется, как холодно официальный мир встречает этот прорыв божественного пламени, каким слабым остается могущество Духа перед недоверчивой усмешкой «мудрых и сильных» (*1 Кор 1.26*). Здесь первое откровение того таинственного «уничтожения», о котором говорит Павел (*Флп 2.7*).

Согласно тому же повествованию Он вернулся в Галилею через Самарию. В Сихари, у колодца Иаковлева, произошла встреча с Самарянкой, и презираемые иудеями полуязычники первыми признали Мессию. Наконец Он вернулся в Галилею и избрал Капернаум опорной точкой Своей деятельности.

Затем, очевидно, произошли события, о которых повествуют синоптики¹: «После же того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (*Мк 1.14–15*).

Общественное служение Иисуса начинается возвещением: «Приблизилось Царство Божие».

Евангелия преисполнены учением о Царстве Божием. «Царство» было содержанием деятельности Иисуса. Все Его мысли и учение, все действия, вся Его судьба вращаются вокруг него. Нужно читать Евангелия, Деяния Апостолов и Послания и живо воспринять то, что возникало во времени, о котором они повествуют, что становилось тогда возможным, а затем пало; нужно помнить то, что было сказано прямо, и почувствовать недосказанное, то, что ощущается сквозь слова и обнаруживается в поведении действующих лиц, – тогда мы получим некоторое представление о том, что есть «Царство Божие». Было бы неразумным пытаться говорить здесь об этом вкратце. Нам доведется еще часто обращаться к этой теме, и, может быть, в конце

¹ Синоптиками (*греч.* «синоптикбй» – видящие одновременно) принято называть трех евангелистов: Матфея, Марка и Луку, которые при написании Евангелий руководствовались весьма сходными схемами, что позволяет их сравнивать.

наших размышлений, перед нами встанет Царство Божие не в произнесенных словах, а в зримой и прочувствованной конкретности.

Здесь мы только собираемся сделать первый шаг, и лучше всего будет, если мы примем буквально то, что говорит Иисус, – как и следует поступать прежде всего по отношению ко всякому высказыванию того, кто заслуживает нашего уважения. Он говорит: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие». Царство Божие, стало быть, не какой-либо твердый, установленный порядок, а нечто живое, приближающееся. Долгое время оно было далеко, теперь приблизилось и находится так близко, что требует принятия. Царство Божие означает, что Бог царствует. Что же должно быть, когда царствует Бог?

Сначала поставим вопрос так: что же фактически владеет нами? Что господствует во мне? Люди – прежде всего. Те, которые со мной говорят; те, чьи слова я читаю; те, с которыми я общаюсь, или те, которые чуждаются меня. Люди, которые дают мне или отказывают, стесняют меня или мне помогают. Люди, которых я люблю, которым я чем-то обязан, о которых я забочусь, на которых я имею влияние. Бог же, напротив, сказывается во мне, несмотря на людей – постольку, поскольку время, которого они требуют, еще оставляет место для Него, – поскольку мое внимание освобождается от их притязаний, – поскольку у меня под их влиянием не возникает чувство, что в действительности Бог вовсе и не присутствует. Бог господствует только в той мере, в какой сознание о Нем может сказаться вопреки людям, сквозь них, рядом с ними... Также и вещи господствуют во мне: те, которых я желаю, – силой этого желания; те, которые мне мешают, – тем, что они мне мешают; те, которые я вижу повсюду, – тем, что они возбуждают, тревожат, занимают мой дух. Вещи вообще – тем, что они существуют и заполняют все пространство, внутри и вовне. Они господствуют во мне, а не Бог. Бог господствует только в той мере, в какой все заполняющая множественность вещей оставляет Ему место: как-то сквозь них или через их границы... Воистину, Бог не господствует во мне. Кажется, что каждое дерево, стоящее на моем пути, имеет надо мной больше власти, чем Он, хотя бы уже только тем, что заставляет меня его обойти!

Но что же было бы, если бы господствовал Бог?

Я бы знал – но не посредством создаваемого с трудом представления, а как нечто само собой разумеющееся, из постоянной живой встречи – Он действительно есть. Он есть Он, прежде всех человеческих понятий и имен. Так, как я вижу цветущее изобилие луга, чувствую его свежесть и когда говорю о нем, то знаю, о чем говорю. Так, как я познаю человека, который встречается мне при хороших или дурных обстоятельствах – его черты, облик, походку, его мировоззрение, силу духа... Бог присутствовал бы в моей душе мощью Своей сущности, как решение, смысл и цель всего... Мое сердце, моя воля познали бы Его как Святого, Который судит все ценности и является смыслом всех смыслов; как Того, Который Один составляет окончательный смысл и все же придает смысл всему, что происходит с людьми при всей конечности всего земного... Его призыв дошел бы до меня, и я узнал бы, потрясенный и преисполненный блаженства, что моя человеческая личность – не что иное как то, каким образом я призван Богом и как я должен ответить на этот зов... Его призывом была бы пробуждена моя совесть, и она познала бы свой долг. И отсюда же, переступая границы одной только «совести», ко мне пришло бы последнее: святая исполненная любовью судьба, свершающаяся между Богом и мной лично.

Если бы все это было и развилось – то это было бы Царство Божие. Но у нас царство человека, царство вещей, царство земных сил и событий, учреждений и интересов. Они закрывают Бога, вытесняют Его. Только в промежутках существования, на его периферии они дают Ему возможность проявиться. Кто может понять, что Бог есть Тот, Кто Он есть; что все существует только через Него и исчезло бы как тень, если бы Он только отвел Свою руку; что я лишь Его творение, Его образ и подобие – и, однако, не знаю о Нем? Как это возможно? Как возможно,

что дерево, к которому я иду, для меня реальнее Его? Как возможно, что для меня Бог остается только словом? Что Он не внедряется всюду со всемогущей силой в мое сердце и сознание?

Приблизительно так можно было бы выразить, чем должно было бы быть Царство Божие...

И вот Иисус возвещает, что время для него пришло. После того, как было царство людей, царство вещей и даже, в ужасном смысле, царство сатаны, должно прийти Царство Божие. То, чего ожидали пророки, должно действительно быть – в избранном народе и во всех людях. Божия сила врывается, желая воцариться: прощать, освящать, озарять, вести, все претворять в новое, из благодати возникающее существование.

Но все это не физической силой, а путем веры, путем свободной самоотдачи людей. Отсюда увещание: «Покайтесь» – измените свое внутреннее состояние – «и веруйте в Евангелие» – в Благоую Весть! (*Мк 1.14–15*). Люди должны круто повернуть свои помыслы, от вещей к Богу, должны довериться тому, что вещает им Иисус: тогда придет Царство Божие.

Что произошло бы, если бы люди восприняли это благовествование?

Если мы хотим получить об этом некоторое хотя бы отдаленное представление, то должны обратиться к пророкам. Возникло бы нечто новое, сейчас для нас непостижимое. То, о чем говорит, например, Исайя в одиннадцатой главе. Сначала он говорит там об отпрыске и ветви от корня Иессеева, на котором почует Дух Господень, судящем по справедливости, обеспечивающем слабым их права и громящем насилие. За этим следуют таинственные слова (*Ис 11.6–9*): «Тогда волк будет жить вместе с ягненок и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок и молодой лев и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море». Что означает эта речь? Она не рассказывает сказку и не рисует утопии, но выражает пророческое видение чего-то, что должно прийти: видение мира, полноты, все пронизывающей истины и чистоты, некоего святого состояния, перед которым бессильна всякая попытка непосредственного изображения, так что выражать его приходится невозможными образами. Благовествование Царства было сначала решительным образом направлено к избранному народу. К тому, к которому относился Союз-Завет, заключенный с Авраамом и у Синая. Если бы народ уверовал, если бы Царство Божие, принятое этой верой, пришло открыто и могло бы развернуться, то мы не знаем, что произошло бы. Явилось бы новое существование. Новое творение. Новая история. «Древнее прошло, теперь все новое» (*2 Кор 5.17; также Откр 21.5*) – эти слова осуществились бы буквально. Брачный пир мира, бесконечное преобразование в буре любви Святого Духа!

Но народ не уверовал! Он не изменил своей сути. Поэтому Царство не пришло в том виде, как оно было предложено вначале. Оно как бы остается витающим, все время грядущим. Оно стремится в мир. Оно настает в отдельном человеке или небольшой общине людей, то тут, то там, но лишь на краткий срок – и снова отступает.

Если бы кому-нибудь было дано увидеть Господа в то время первой полноты! Как Он нес к людям ту святыню! Как призывал Он их души... как шел к ним... как рвалось вперед и стремилось объять людей то, что стояло за Ним!

Это была сила Святого Духа, в которой все происходило. Царство Божие в Духе прорывается к нам. В Духе воспринимается зов Владыки, требующего, чтобы Его впустили. В Святом Духе ощущается сила Божия, требующая послушания. Повествование о первых событиях переполнено этой силой Духа.

Так, у Марка читаем: «И приходят в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу, и учил. И дивились Его учению; ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники» (Мк 1.21–22).

Они удивлялись Его учению – в буквальном переводе: «были выбиты из самих себя» – выбиты повергающей в трепет божественной силой. Сила же исходила из Его слова. Оно не следовало четкому и рассудительному слову книжников, но возвещалось Им как «власть имеющим». Его слово потрясало, лишало дух самоуверенности, сердце – покоя, оно повелевало и творило. Нельзя было, услышав его, ему не следовать.

И далее: «В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас. Знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий. Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него» (Мк 1.23–26). Стало быть, то был одержимый. Наука утверждает, что одержимые Нового Завета были якобы просто психически больными людьми, но в то время это явление еще не было разгадано, поэтому его объясняли влиянием бесов, и в этом отношении Иисус будто бы разделял взгляды своего века. Что ж, внешне эти явления, вероятно, похожи на те, которые наблюдают врачи в клиниках; но за клинической картиной может скрывается нечто, чего не видит ни один психиатр. Когда Господь обращает Свое слово к злему духу в больном, Он проникает туда, куда ни один врач не в состоянии проникнуть. Сатана ведь действует, не нарушая естественного порядка вещей, дабы сокрыть печать демонизма. Нельзя полагать, что в христианской жизни сверхприродное, как и внеприродное, проявляется таким образом, что в естественном порядке вещей образуется разрыв, таким образом в жизнь проникает нечто иное. Все всегда остается вполне «естественным», цепь причинных связей не обрывается. Все наполнено вещами и событиями, о которых можно сказать: это верно, ибо верно то. Но в естественных связях как раз и действует сатана. Поэтому, когда Иисус в Капернауме обращает Свое слово к бесу, Он знает, что здесь, в этом случае, за «психозом» скрыто иное.

Мы слышим, таким образом, ответ врага на возведение Царства. Духу Божию отвечает злой дух – не на равных правах, отнюдь нет; смещение имен «Бог и диавол» возможно лишь при неверии или недомыслии, – он отвечает как тварь, но в своем бунте он обладает могуществом над чисто земными силами. И слушатели воспринимают это как ответ и подтверждение: «... Все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? Что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему? И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее» (Мк 1.27–28).

Дальше – первые исцеления, также силою Духа:

«Выйдя вскоре из синагоги, пришли в дом Симона и Андрея, с Иаковом и Иоанном. Теща же Симона лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им. При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых. И весь город собрался к дверям. И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос» (Мк 1.29–34).

Сначала старая женщина, которую Он, у нее в доме, берет за руку, чтобы она могла встать и служить Ему... Потом многие... Трогающая сердце картина: в прохладе после захода солнца больных приносят со всех сторон, и Он в любвеобильной силе Духа выстаивает среди этого моря человеческих страданий, помогает и исцеляет.

Но после того, как могущество Духа прорвалось наружу, снова все возвращается в исходное спокойное состояние.

«А утром, встав весьма рано, (Он) вышел; и удалился в пустынное место, и там молился» (Мк 1.35). Это то одиночество, та тишина и полнота Духа, в которых Он пребывал сорок дней перед этим.

8. Соблазн в Назарете

Как приняли люди весть о Царстве Божием, принесенную им в полноте Святого Духа? Как приняли они возвешение той тайны, которую так трудно свести к каким-либо понятиям, но которая так живо обращена к сердцу? В Евангелии от Луки повествование об общественной деятельности Господа начинается с одного события, дающего на этот вопрос весьма малоутешительный ответ (*Лк 4.14–30*).

«И возвратился Иисус в силе Духа в Галилею; и разнеслась молва о Нем по всей окрестной стране. Он учил в синагогах их, и от всех был прославляем. И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу».

Синагога была не храмом, а домом общины, где эта последняя собиралась молиться и слушать закон Божий. В ней не служили священники, но любой совершеннолетний член общины имел право обратиться со словом к другим – вспомним из Деяний апостолов рассказ о том, как Павел во время путешествия приходит со своими спутниками в синагогу, как председатель посылает к ним спросить, есть ли у них «слово наставления к народу», после чего Павел встает и говорит (*Деян 13.14–16*). Так и Иисус мог там свободно благовествовать. Он проповедовал по всей окрестной стране и в Своем родном городе.

Он «встал читать». Служитель синагоги, приносивший свиток Писания тому, кто просил слова, подал Ему книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное». И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им.

Эта сцена как живая у нас перед глазами. Он раскрыл свиток, и Его взгляд падает на великое пророчество Исаии (*Ис 61-1.4*). Это место имеет самое непосредственное отношение к Нему Самому в самом высоком смысле, и пришло время сказать об этом. Он читает, садится и начинает: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами». Говорится же там о Мессии. Это Он и есть, на Нем «Дух Господень». Его «помазал» Бог, ибо помазание означает ту глубочайшую пронизанность силой святости Духа, то овладевание, то выделение из среды других и ту запечатленность, через которые Господь делает человека Своим служителем и посланником, священником, пророком или царем. Полнота же этого освящения на Том, Кто самим Своим существом – «Помазанник», Христос, Мессия.

Его посланничество повелевает Ему возвещать бедным, что Царство близко. «Бедные» – это прежде всего те, кто в мире мал и презираем; но, кроме них, и все те, кто узнает самих себя в ничтожестве павшей твари. Пленным Он должен принести освобождение, и снова под «пленными» подразумеваются все люди, связанные властью греха, если только они готовы это признать. Слепым Он должен открыть глаза для восприятия небесного света, открыть им внутреннее понимание для восприятия Божией близости; сокрушенным Он должен дать простор и полноту святой свободы. И всем Он должен провозглашать год милости Господней – год великого отпущения вины.

Это – возвешение приближения Царства, и оно изложено так, что трогает дух и сердце: «И все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходящим из уст Его, и говорили: не Иосифов ли это сын? Он сказал им: конечно, вы скажете Мне присловие: „врач! исцели Самого Себя; сделай и здесь, в Твоем отечестве, то, что мы слышали, было в Капернауме“. И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве. Поистине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле; и ни к одной из них не

был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую. Много было также прокаженных в Израиле при пророке Елисе; и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина». В своем повествовании об учении Господа в Капернауме Марк говорит: «Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники» (Мк 1.22). А Лука относительно этого события повествует: «... все засвидетельствовали Ему это, и дивились словам благодати, исходившим из уст Его». Здесь слово «благодать» («Gnade») еще не означает строго очерченного понятия, но лишь указывает на нечто одухотворяющее, проявляющее себя одновременно как «милость» и как «притягательный дар». В немецком языке это слово (Gnade) означает то, чего нельзя требовать ни по какому праву, что не может быть добыто никакой человеческой силой, но дается из чистой милости; по-гречески в нем заключено нечто большее: *χαρις* – это то, что даруется по милости, но вместе с тем и очаровывает, и привлекает – нежная свободная красота... Так воспринимают слушатели слова Иисуса. Они поражены их властью над сердцами, и все же ропшут: «Не Иосифов ли это сын?» Словно змея их внезапно ужалила. В то самое мгновение, когда все пронизано святой и очаровывающей силой слов Иисуса, нечто лукавое внезапно встает из самых темных глубин человеческого сердца. Господь немедленно распознает то, что появилось здесь и противостоит ему. Это действует враг (диавол); Иисус заставляет его выйти наружу и показаться: «Услышав это, все в синагоге исполнились ярости. И, встав, выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть Его; но Он, пройдя посреди них, удалился».

Так открывается их соблазн.

Соблазн означает взрыв раздражения людей против Бога. Против того, что наиболее присуще Богу, – против Его святости. Соблазн есть восстание против живой сути Божества. В самой глубине человеческого сердца, рядом с тоской по вечному источнику, из которого происходит тварь и в котором уже содержится всякая полнота, дремлет и первообраз греха – сопротивление тому же самому Богу – и ждет удобного случая. Но соблазн редко выступает как откровенное, неприкрытое посягательство на Божию святость. Обычно он прячется, направляя свое острие против носителя этой святости: пророка, апостола, святого, истинно благочестивого человека. Такой человек действительно раздражает. Нечто в нас не выносит существования под знаком святости. Это бунтарское нечто ищет себе оправдания в немощах и недостатках человека. Неужели такой грешник может быть носителем чего-либо святого? Ищут оправдания себе и в слабостях праведного человека, которые молва чрезмерно раздувает, или даже в его странностях: нет ничего более раздражающего, чем необычные действия святого. Короче – за человеком пытаются отрицать право быть приобщенным к Божественному именно в силу самой ограниченности человеческой природы.

Но встреча со святостью становится тем более невыносимой, возражения приобретают тем большую резкость и отрицание проявляется с тем большей нетерпимостью, если дело происходит «в отечестве пророка». Как можно признать, что Кто-то, чьих родителей знают, Кто-то, живущий по соседству, «такой же, как и все», представляет собой нечто святое? Вот этот, о котором «всемирно известно», он – Избранник? Соблазн – великий противник Иисуса. Из-за него уши не открываются для Благой Вести, Евангелию не верят, затворяются от Царства Божия и выступают против него.

Опасность соблазна связана с самим образом Иисуса. Когда Иоанн из темницы посылает к Нему своих учеников и через них спрашивает: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Мф 11.3) – Он отвечает тем же самым текстом Исаии, который Он разъясняет в Назарете, и также возвещает исполнение пророчества: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромы ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют». Затем Он добавляет, однако: «И блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф 11.4–6). Что благовествование Царства Божия,

подтвержденное могуществом Духа, исходит из человеческих уст, – это как раз, и более всего, раздражает людей, так что «блажен» тот, кто этому соблазну не поддается. Соблазнительны для иудеев уже первые поучения Господа. В Назарете соблазн вспыхивает, возмущение толпы распаляется и затем, несколько стихнув, продолжает тлеть. И пламя при каждом удобном случае прорывается наружу. И наконец, соблазн достигает кульминации, когда он перерастает в открытый бунт человеческого сердца против Того, Кто принес ему избавление. В этом возмущении нарождаются доводы, которые противники Иисуса приводят против Него. Для обвинения годится все: говорят, что Он исцеляет в субботу, что садится за стол с людьми, о которых идет дурная слава, не ведет аскетического образа жизни. Подлинная же причина всегда происходит из того таинственного, непостижимого возмущения, которое поднимает подверженное греху человеческое сердце против Бога Святого.

И в ответ на благовествование – ропот толпы: «Не Иосифов ли это сын?» А Матфей добавляет: «Не Его ли мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? И сестры Его не все ли между нами? Откуда же у Него все это?» (*Мф 13.55–56*). Тогда Иисус заставляет врага показаться: вы сомневаетесь во Мне? Вы возражаете: в других местах Он будто бы творил чудеса – почему же не здесь, у себя дома? Но там Я мог творить чудеса, потому что там веровали; а вы не веруете. И не веруете потому, что Я из вашего города. Со святыней, вам встретившейся, происходит то же, что прежде было у народа с Илией и Елисеем: свои не верили, потеряли благодать, и она была отдана чужим!.. Тут уж возмущение не в силах сдержать себя. Словно в пароксизм впадают эти люди, минутой раньше свидетельствовавшие о мощи и благодатной красоте Его слов. Сатана входит в них. Они влекут Иисуса прочь из синагоги, по улицам города, на гору, на которой стоит город, на вершину горы, чтобы сбросить Его вниз.

Уже отсюда можно предвидеть развитие событий. Крест стоит уже здесь. Весть о Царстве Божиим, о неизглаголанной возможности бесконечной, превосходящей всякие представления полноты, уже ставится под сомнение.

Но то «время и власть тьмы» (*Лк 22.53*) еще не пришли. Все случившееся становится проявлением силы Духа. Сильнее всего действует свершаемое в тиши. Когда Иисус на Пасху, среди стекающей со всех сторон возбужденной массы паломников, изгоняет из храма то, что оскверняет его святость, и никто не осмеливается Ему воспротивиться (*Ин 2.14–17*), это – явление силы Духа. Но еще сильнее Дух являет Себя, когда неистовствующая от «ненависти к соседу» толпа выталкивает Господа, бешенство нарастает, оно стремится найти себе выход в разрушении – и вслед за этим сказано: «Но Он, пройдя посреди них, удалился». Никакого сопротивления. Никакого усилия. Среди злобного неистовства – непобедимость тихой, легкой свободы Божества, которая неподвластна никакому человеческому насилию, ибо она ничем не связана, кроме как собственным часом.

9. Больные

В первой главе Евангелие от Марка повествует: «При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых. И весь город собрался к дверям. И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос» (*Мк 32–34*).

Как близка эта картина нашему сердцу! Жаркий день прошел. Вечереет, и свежее дуновение доносится с гор. Тогда вокруг Него словно размыкается круг, и со всех сторон накатывает людская боль. Они приходят, их приводят, их приносят. И Он идет сквозь страждущую толпу, и «сила Божия является и исцеляет», чтобы исполнилось слово пророка Исаии: «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни» (*Ис 53.4 и Мф 8.17*).

Дух, Который в Нем, имеет власть исцелять. Исцелять от самых корней, ибо Он способен творить, способен охватывать и заново созидать внутреннее начало жизни. Целительная сила Иисуса так неисчерпаема, что Он противостоит приливу человеческого страдания. Он не отступает; язвы, искалеченные части тела, уродство и какие угодно болезни не пугают Его. Он выстаивает. Он не избирает в первую очередь то, что кажется неотложным или более поддающимся Его силе, – Он просто приемлет всех. Слово «Придите ко Мне все» (*Мф 11.28*) Он исполняет раньше, нежели произносит.

И что же Он допускает к Себе? Разве человеческое страдание не подобно морю? Разве помогать – не значит взять на себя труд, не имеющий границ? Кто, действительно решившись помогать и отдав себя людскому страданию, не был захлестнут так, что мог радоваться, если не терял себя в безбрежности этой задачи?

Иисус чувствует страдания людей. Его сердце содрогается от сострадания. Все это бедствие Он подпускает к Себе, и все же Он сильнее его. Мы не знаем ни одного слова Господа, которое рисовало бы Его идеалистом, помышляющим об уничтожении страдания. Он далек от того, чтобы находить его трогательным или восторгаться им, Он видит страдание во всей его страшной реальности. Но Он никогда не теряет мужества, никогда не устает и не разочаровывается. Его сердце, самое чуткое и мудрое из всех когда-либо бившихся, сильнее всей человеческой боли.

Из безымянного множества то тут, то там выделяются отдельные образы, написанные скупыми штрихами. В самом начале Своего делания Иисус приходит в дом Петра. Теща Петра лежит в горячке. Он подходит к ее ложу – «к изголовью», говорит Лука (*Лк 4.39*), – и «запрещает горячке». К ней возвращаются силы, она встает и прислуживает гостям (*Мк 1.30–31*).

В другой раз Он идет по дороге, и многие сопровождают Его. На улице сидит слепой, слышит говор возбужденной толпы, спрашивает, кто идет, и начинает кричать: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня». Его пытаются утихомирить, но он не поддается и кричит все громче, пока Иисус не велит привести его к Себе: «Чего ты хочешь от Меня? – Учитель! чтобы мне прозреть». Иисус говорит: «Иди, вера твоя спасла тебя». В то же мгновение он прозревает и идет за Ним (*Мк 10.46–52*). А вот Он снова сидит в одном из маленьких галилейских домов, состоящих только из одной комнаты. Вокруг Него теснятся люди, смотрят на Него, слушают. В это время приносят расслабленного, но так как несущим его не удастся протиснуться в дверь, они поднимаются на крышу, проделывают отверстие и через него опускают носилки. Люди ропщут, но Иисус видит великую бесхитростную веру и утешает оробевшего больного: «Чадю! прощаются тебе грехи твои». Когда же вокруг начинают возмущаться: что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме Бога?» – Он подтверждает Свой поступок: «Встань, возьми постель твою и иди в дом твой» (*Мк 2.1–12*).

Или Он стоит среди толпы, и недоверчивые, враждебные люди наблюдают за Ним. Тут приводят человека с «иссохшей рукой». Происходит это в субботу, и все настороженно ждут, что Он сделает. Он велит больному выйти на середину, чтобы все видели, как он несчастен: «Должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить?» Почувствовав же тупое пристрастие к насилию в ожесточившихся сердцах, Он с гневной угрозой обводит взором окружающих Его, словно желая заставить каждого образумиться, и говорит больному: «Протяни руку твою». И рука становится здоровой (*Мк 3.1–6*).

Так проходит перед нами образ за образом, свидетельствуя о целительной силе, которую Он излучает.

Иногда создается впечатление, что нам на минуту приоткрывается другая, скрытая от глаз сторона происходящего. Вот приходит слепой. Иисус возлагает руки ему на глаза, снова отводит их и спрашивает, видит ли тот что-нибудь? Человек отвечает в крайнем волнении: «Вижу проходящих людей, как деревья». Целительная сила овладела онемевшими нервами, они ожили, но действуют еще неправильно. Образы представляются несоразмерными, гигантскими, странными. Тогда Он снова возлагает руки, и теперь человек видит правильно (*Мк 8.22–26*). Не дает ли нам это возможность как бы изнутри сопереживать тайну? В другой раз Он проходит сквозь густую толпу. Одна женщина, уже много лет страдавшая кровотечением и тщетно искавшая излечения повсюду, думает: «Если хотя к одежде его прикоснусь, то выздоровею». Она подходит «сзади в народе», прикасается к Его одежде и ощущает, что исцелилась! Он же оборачивается: «Кто прикоснулся к Моей одежде?» Апостолы удивляются: «Ты видишь, что народ теснит Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко Мне?» Но Он знает точно, что говорит, – ведь Он сразу почувствовал, «что вышла из Него сила». Тогда женщина дрожа выступает вперед, бросается Ему в ноги и сознается в том, что произошло, а Он отпускает ее с великой любовью. Все происходит так, точно Он заряжен целительной силой, точно Ему Самому даже и пожелать не нужно: достаточно человеку прийти к Нему с открытой душой и с упованием, чтобы сила изшла из Него и оказала свое действие (*Мк 5.25–34*).

Что означает дело исцеления для Христа?

Говорили, что Он занимался им из доброго отношения к людям. Новое время живо ощущает необходимость социальной и благотворительной деятельности, поэтому ему хотелось бы видеть в Нем великого помощника людей, стремившегося облегчить их страдания. Но в этом оно заблуждается. Конечно, Иисус полон любви. Он сочувствует бедам людей. Сердце у Него переполнено настолько, что даже в Евангелиях, вообще так скупно описывающих проявления чувств, сказано: «Иисус... увидел множество народа, и сжалился над ними, потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря» (*Мк 6.34*). Тем не менее Иисус – не просто гигантская фигура добросердечного и деятельного благотворителя, идущего по пятам человеческого страдания, понимающего и преодолевающего его. Он – не человек социального мироощущения, который видит неустройства и хочет наладить лучший порядок, восстает против неравенства и борется за справедливость. Социально настроенный благотворитель хочет уменьшить страдания, а если можно, то и устранить их. Он хочет достичь целесообразного удовлетворения потребностей, предупреждения несчастий, прочного упорядочения существования. Он хочет, чтобы на земле жили радостные, здоровые, телесно и душевно удавшиеся люди. Как только мы представим себе это, мы заметим, что для Иисуса речь идет о другом. Слишком глубоко помещает Он страдание – у самых корней существования, в единстве с грехом и отчужденностью от Бога. Он слишком ясно видит страдание как элемент существования, который остается открытым для Бога или, по крайней мере, может быть открыт: как следствие вины, но вместе с тем – и как путь очищения и возвращения, что ясно из Его слов о следовании Ему и несении креста (*Мф 16. 24*).

Мы подойдем ближе к истине, если скажем: Христос не чуждался страдания, как постоянно делают люди. Он не закрывал на него глаза. Он не защищался от него. Он принял его в Свое сердце.

Страдающих людей Он принимал такими, каковы они в действительности, – в собственном их состоянии. Он поставил Себя в состояние людской стесненности, их виновности и повседневных забот. Это нечто бесконечно великое: святая и глубочайшая любовь, без всяких иллюзий, но именно поэтому чрезвычайно мощная, ибо она представляет собой «делание истины в любви», овладевающее действительностью и ее преображающее. Исцеление Иисусом есть делание от Бога: оно открывает Бога и ведет к Нему. У Иисуса исцеление всегда связано с верой. В Назарете Он не может творить чудес, потому что они не веруют. Навязывать же им чудо было бы равносильно уничтожению его смысла, потому что оно сопряжено с верой (*Лк 4.23–30*). Ученики не могут исцелить больного мальчика, потому что они малодушны, и это связывает силу, исходящую от Святого Духа и стремящуюся к действию (*Мф 17.14–21*). Когда приносят расслабленного, то в первое мгновение кажется, что Иисус вовсе и не видит болезни страждущего. Видит Он прежде всего его веру. По вере Он обещает прощение и только «под занавес» исцеляет его (*Мк 2.1–12*). Отца мальчика Он спрашивает, верует ли тот, что Он может это сделать?. И чудо совершается, как только сердце готово последовать указанным ему путем веры (*Мк 9.23–25*). Сотник, сказавший с бесхитростностью служаки: не подобает Тебе идти ко мне, повели только – и слуга мой выздоровеет, как и он повинует, когда я говорю ему «пойди сюда» или «сделай то-то и то-то», – слышит радостную похвалу: «Истинно говорю вам; и в Израиле не нашел Я такой веры» (*Мф 8.5–13*). И слепому дано услышать слова: «Вера твоя спасла тебя» (*Мк 10.46–52*).

Исцеление Иисусом сопряжено с верой – как и провозглашение Благой Вести. Исцеление также представляет собой откровение – откровение реальности любящего Бога. Чтобы люди восприняли эту реальность, открыли себя ей и сами вступили в нее – вот, собственно, то, ради чего Он исцеляет.

10. «Погибшее»

В нашем представлении образ Иисуса окружен рядом других знакомых образов, и нам нужно правильно понять Его отношение к ним. О больных мы уже говорили. Мы видели, что Он подходит к ним не с чисто социальными и благотворительными намерениями, что помощь Иисуса и исцеление Им представляют собой откровение Бога живого, т. е. в сущности то же самое, что и возвешение святой истины, – они призывают к исполненной веры самоотдаче Богу. Наряду с больными и с теми людьми, которых мучат злые силы, мы видим «мытарей и грешников». Иисус не уклоняется от них. Он даже общается с ними. Более того, Он так близок им, что Его противники называют Его «другом мытарей и грешников» (*Мф 11.19*). Это выражение употреблено в осуждающем смысле и стоит рядом с другим, обвиняющим Его в чревоугодии. В Его общении с мытарями и грешниками многие видели нечто сомнительное; и если мы повнимательнее отнесемся к тому, как на это смотрят в настоящее время, будь то в положительном или в отрицательном смысле, мы почувствуем, что и сюда примешивается некоторая неясность. Следовательно, нам нужно отдать себе ясный отчет в том, что это общение означает.

Первое Евангелие сообщает в девятой главе: «Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним. И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его. Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь, что значит: „милости хочу, а не жертвы?“ Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (*Мф 9.9-13*). Евангелист говорит о себе самом, рассказывает историю своего собственного горького и блаженного опыта.

Мытарь, или сборщик налогов, был в Римской империи лицом, к которому относились с презрением и враждебностью. Государственного налогового учреждения не существовало; вместо этого сбор налогов в каждой провинции сдавался в наем частному предпринимателю, гарантировавшему поступление установленной суммы. За это ему предоставлялась свобода действия по отношению к налогоплательщикам. Часто он требовал в несколько раз больше положенной суммы и имел право взыскания. Обычно он перепоручал свои полномочия в более мелких округах другим предпринимателям, которые также заботились о своем кармане. Взимание налогов производилось с бессердечной жестокостью, и все это вместе было не чем иным как системой разбоя, поддерживаемой законом. Такая система существовала и в Палестине. Сборщик налогов, таким образом, сосал кровь из народа. К тому же он был союзником римлян, а значит – изменником и врагом, ненавидимым и отверженным.

Вот такого человека зовет Иисус. Он должен следовать за Ним, даже примкнуть к самому узкому кругу Его учеников. И мало того, что Он зовет его и «с ним говорит» – что уже неслыханно – Он еще и идет к нему в дом и садится с ним за стол. Появляются и друзья этого человека, «мытари и грешники», во множестве, и с этим презренным обществом Иисус делит трапезу. Это вызывает крайнее негодование, так как совместное приятие пищи носило религиозный характер, относилось к культу и служило основанием для священного единства. Общение за столом создавало связь в самом существовании. Есть с нечистыми – значило приобщаться к ним и самому становиться нечистым. Теперь нам становится понятен возмущенный вопрос: «Для чего учитель ваш ест с мытарями и грешниками?»

Зачем же Иисус делает это? Можно было бы предположить в качестве побудительной силы антибуржуазную романтику, презиращую сословие обеспеченных как опору общественного порядка и видящую настоящих людей только в отверженных. Но это – настроения нового

времени. В те времена, наверное, не было известно ничего подобного, и уж никак нельзя приписать это Иисусу. Во-первых, «социальное», в современном смысле слова, вообще чуждо Ему, и уж совсем чужды настроения этого рода, порождаемые чрезмерной утонченностью и усталостью. Его слова и дела исходят из иного и направлены на иное. Он имеет в виду человека и его отношение к Богу. Никогда Иисус не считал бы социальную отверженность, как таковую, чем-то ценным, а порядок в человеческих делах, как таковой, – вредным для самого важного. Любые отношения могут стать путями к Богу, но так же и путями, уводящими от Него. В чем суть дела для Иисуса, выражают слова: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные». Здесь «больной» – человек, нуждающийся в помощи, поэтому врач и приходит к нему. А за этим следуют слова, произнесенные, может быть, с очень серьезной иронией: «Я пришел призывать не праведников, но грешников к покаянию». Так проверьте же себя как следует, хотите ли вы быть «праведниками»? В этом случае Я не к вам пришел! Если же Я все-таки пришел к вам, то признайте себя грешниками – в чем же состоит тогда разница между вами и ними?

И этот лейтмотив повторяется в аналогичной форме неоднократно, как, например, в истории с Закхеем. Лука повествует в девятнадцатой главе: «Потом Иисус вошел в Иерихон и проходил через него. И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он; но не мог видеть за народом, потому что мал был ростом. И, забежав вперед, влез на смоковницу, чтобы увидеть Его; потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: „Закхей! сойди скорее; ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошел, и принял Его с радостью. И все, видя то, начали роптать, и говорили, что Он зашел к грешному человеку. Закхей же, став, сказал Господу: Господи! половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама; ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее“» (Лк 19.1-10).

Мы видим перед собой этого человека, глубоко взволнованного появлением в его городке великого Учителя, видим, как он затосковал и хочет видеть Учителя, о Котором все говорят. Он мал ростом, поэтому в толпе не может увидеть ничего и влезает на дерево. Иисус замечает его, видит его глубокую, исполненную готовности решимость, предлагает ему спуститься и просит гостеприимства у него в доме. И опять негодующее возражение: «Он зашел к грешному человеку!» Закхей же, «став» и чувствуя опасность, в одно мгновение бросает все на весы, чтобы только не отступился от него этот удивительный Человек, Который смотрит на него совсем иначе, чем фарисеи и книжники: «Господи! половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел» – конечно, он был таким же, как и другие сборщики налогов! – «то воздам вчетверо!»

Еще раз: не отталкивание от сильных руководит Иисусом. Нечто подобное Ему пытались приписать. Говорили, что Ему будто бы недоставало цельности натуры и той спокойной совести, что присуща здоровой воле к власти. Будто бы Он слишком слаб или слишком утончен, чтобы просто примкнуть к сильным. Поэтому Он, будучи в разладе с самим собой, защищал слабых против тех, к которым, собственно, принадлежал. Это тоже хитросплетения нашего времени, неверные уже чисто исторически и тем более несоответствующие образу Иисуса, Его намерениям. Ни затаенная зависть, ни ненависть бессилия, ни недоверие к земному величию не руководили Иисусом. Он не знал страха потому, что был свободен по самой природе Своего существа. Так, Он выступает за тех, кто презираем, оставлен и не имеет заступников: за малых, бедных и отверженных. Он не объявляет самоценными эти состояния, но хочет справедливости и для них. Тем, кто признан всеми, уважаем и силен, Он противостоит лицом к лицу не потому, что величие и власть дурны сами по себе, но постольку, поскольку их носители забывают Бога. Он отстраняет все различия, порождаемые миром, и обращается к тому, что есть самого подлинного как в сильных, так и в слабых, – к человеку: ведь «и он сын Авраама».

В этом сущность миссии, данной Иисусу Отцом: «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее».

В восьмой же главе Евангелия от Иоанна рассказана история прелюбодейной жены: «Иисус... пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии. А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле... Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень.

И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышав то... стали уходить один за другим, начиная от старших... и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись... сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (*Ин 8.1-11*).

Опять нам следует избежать впечатления, которое могло бы исказить суть происходящего. Поверхностное рассмотрение ситуации могло бы привести нас к мысли, что Иисус выступает в защиту грешницы против добродетели, против закона и за личность, рискнувшую жизнью и вырвавшуюся из условностей общепринятых норм поведения. Но это было бы весьма ошибочно. Иисус – не революционер в сердечных делах. Он не выступает за право восставать против закостеневшей и лицемерной строгости нравов. Если внимательно присмотреться, то видно, что сущность события опять в том, в чем она была и при предыдущих встречах. Фарисеи приходят вовсе не ради справедливости, а для того, чтобы заманить Его в ловушку. Что же касается их собственной нравственности, то она лжива, потому что сами они не делают того, чего требуют от других. Если же делают, то самопревозносятся собственной праведностью и от этого становятся глухи и слепы для восприятия сущности Христа и Его благовествования. Поэтому Иисус молчит, и из этого молчания рождается голос истины. Что закон прав – вообще не подвергается сомнению; но до сознания обвинителей доходит смысл того, почему они обвиняют и кто такие они сами. Тогда они начинают стыдиться и уходят, «начиная от старших». Поведение женщины отнюдь не одобряется. Она «грешница», и Иисус обращается к ней как к грешнице. Но по отношению к этому законническому духу и к этим обвинителям, признается и ее право. Так свершается более высокая, от Бога исходящая справедливость, смягчающая сердца и открывающая «человеколюбие Спасителя нашего» (*Тит 3.4*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.